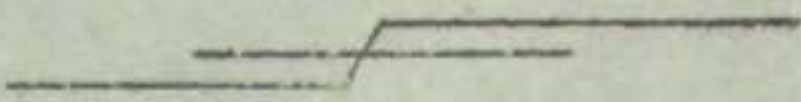

КАЗАЧИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК
№ 12.

ИЮЛЬ. 1960 г.

ПАРИЖ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Устройство Черноморского Войска.
 2. К истории Хоперского полка.
 3. Дон и Украина.
 4. Выдержка из очерка: "Покорение Ермаком Сиб. ц-ва.
 5. Выдержка из очерка "Приазовская Русь".
 6. Казачьи городки и острова по Дону.
 7. Рейд Мамонтова.
 8. Господи и Владыко! Стих П.Полякова.
 9. Ермаковы без Алексея. - П.Соколовой.
 10. "За Край Родной" - П. Аврамсва.
 11. "ВОРОЖИЛА ТЫ МНЕ..." - стих. П. Полякова.
 12. "Перед бурей", - стих. М.Рабрилова
 13. "Казакия" - стих М. Можаева.
 13. " В лунную ночь" - стих. А.В.Рамова.
 14. " Путь", - стих. М. Гаврилова.
 15. - Песня" - его-же.
 16. " Дед Никита и Степка - И. Тапилина.
 17. - Из моих записок" - его-же.
 18. " Донские песни - записаны И. Плаховым.
 19. " Сказания про Польшу" - записана В. Кузнецовым.
 20. Казачья печать.
 21. Казачья трибуна.
 22. Господин, - пан, - станичник.
 23. Формы правления в государстве.
 24. Письмо в Редакцию.
 25. Провокаторы-ли Бунин и Самарин? - Эйайес.
-

КАЗАЧИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Recueil d'Articles sur l'Histoire Cosaque.

№ 12.

ИЮЛЬ.

1960 г.

ПАРИЖ.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ.

ОБ УСТРОЙСТВЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ВОЙСКА.

/П.С.З., т. XXVII,
№ 20.508 /.

/Окончание/.

Государственная Военная Коллегия соображая по сим о Войске Черноморском Казаков сведениям, как его местное положение, так выгоды и преимущества, которые оно от щедрот Монарших удостоилось, с той пользой, какову сие Войско службе Вашего Импер. Величества приносит и приносить долженствует, осмеливаемся по предмету определенных в отношении к оным правил изложить здесь следующее всеподданнейшее мнение:

1/ Приняв за основание количество состоящих ныне в Войске Черноморском способных к службе чиновников и казаков, и уважая при этом дарованное им во всемилостивейшей грамоте дозволение записываться в купцы и мещане, равно домашние упражнения по возрождаемому еще, так сказать хозяйству, и в то же время исправление внутренней службы по Войску, имеющему бдение о сохранении границ от злодействующих соседей, а не меньше возможность к приведению себя в требуемое родом их службы состояние впредь до усмотрения быть ныне в оном могущих, в случае надобности, употребится на походную службу 10 конных и 10 пеших патисотенных полков, уделяя из числа сих последних для службы на судах и при артиллерийских орудиях, как сего надобность и обстоятельства потребуют.

2/ Каждому полку состоять по примеру Донского, как конному, так и пешому, из 1-го полковника, 5-ти полковых есаулов, 5-ти сотников, 5-ти хорунжих, 1-го квартирмистра, 1-го писаря и 485 казаков, а всех чинов 501 человек; а по сему количеству полков определить и комплект Штаба и Обер-Офицеров, а именно: Полковников 20, полковых Есаулов 100, Сотников 100, Хорунжих 100, квартирмистров 20, из коих все те, которые не на походной службе обретаться будут, равно и оставшиеся ныне против сего числа сверх комплектными, употреблены быть на исправление внутренней службы по Войску.

3/ Чины иметь Войсковым Старшинам и Полковникам - Монарские, Полковым Есаулам - Ротмистрские, Сотникам - Поручичьи, Хорунжим - Корнетские, а Квартирмистрам равняться с Квартирмистрами регулярных войск.

4/ На основании Вышеупомянутого Высочайшего Ваш. Импер. В - ва повеления в 16-й день Апреля 1801 г. Военной Коллегии данного всех находящихся ныне в том Войске, неимевших еще армейских чинов, способных и неспособных чиновников, до оного Высочайшего указа состоящих и по 1-е сентября с/г., показанных вышеизъявленной ведомостью всего 350 человек, исключая выбывших из того числа разными случаями, утвердить в соответствии вышеизъявленному, чинами обер-офицерскими армейскими, оставляя им прежнее Войсковое звание; Поручиков в Войске служащих, Всемилоостивейше пожаловать - Полковыми Есаулами, Подпоручиков-сотниками;

Прапорщикам же остаться в числе Хорунжих, имея перед теми Хорунжими, кои ныне в чинах утвердятся - старшинство; и хотя в вышеописанном числе утвердятся в чинах 65 человек чиновников, неспособных, но как в ведомости присвоается им та неспособность за старостью, и вероятно, что прежние свои Войскового названия чины получили они за службу и по достоинствам: то Коллегия не может исключить и их из числа представляемых к приобретению оной Монаршей В.И.В. милости. Но к дальнейшему произведению линии им и неспособным же состоящим и до сего в армейских чинах, показанных в ведомости 85 не иметь; подобно, как и тем, которые впредь по старости лет или за ранами, увечьем и болезнями по представлению Атамана с Войсковой Канцелярией через Инспектора войск, с Высочайшего повеления В. Импер. Величества в список неспособных причисляемы будут.

5/ Объявление по сему чинов, в которых Черноморского Войска чиновники утверждаются, сохраняя прежние их наименования, ими производятся препоручить Инспектору Войск, который бы истребовал об них списки, предписал Черноморской Войсковой Канцелярии кому именно какой чин объявить, и таковые же списки о всех утвержденных в чинах и о произведенных из Поручиков в Есаулы, и из Подпоручиков в Сотники, равномерно как и вообще о всех чиновниках войска Черноморского, всеподданейше представил Вашему Импер. Величеству и в Государственную Военную Коллегию, дабы списочное их состояние с различием способных и неспособных приведено было в даваемую известность.

6/ Что принадлежит до недостающего числа по количеству полков Полковников, то за помещением на сии вакансии находящихся теперь в Войске Штаб-офицеров представить достойные места к произведению из старших, но достойных и заслуженных Капитанов и Полковых Есаулов Атаману и Войсковой Канцелярии через Инспектора Вашему Импер. Величеству.

7/ Впредь ни на какие офицерские чины по Войску не производить; а о тех, кои следовать будут к произведению, и не иначе, как на вакансии в положении выше комплект по удостоению Атамана с Войсковой Канцелярией, всеподданейше представлять Вашему Импер. Величеству через Инспектора войск, а в военное время через командующего Генерала армии или корпусом войск, где Черноморские Казачьи полки находятся, по удостоению походного Атамана или Полковников.

8/ При таких представлениях наблюдать не одно только старшинство, но и способность к службе и достоинство, а в военное время наипаче уважать отличную храбрость и расторопность в деле с неприятелем оказанные; Офицеров к повышению кто из старших исправление службы, неспособности, или какой либо порок обходим будет, тогда в онном же представлении доносить для чего именно не удостоивается; к произведению же сверх комплекта никому никогда не представлять.

9/ На службу наряжать офицеров Войсковому Атаману обще с Войсковой Канцелярией по их рассмотрению из состоящих по спискам; но если бы впредь, когда Войско Черноморское в состоянии будет больше выкомандировать на службу полков, нежели то число, для которого теперь комплект офицеров полагается, случился в онных недостаток, определять тогда в полки офицерами зауряд из способных и заслуживающих сию поверенность урядников, или по их названию сотенных Есаулов, и казаков; и для того из сих заурядслужащих, кои в звании и должности им желаемую исправность и в деле с неприятелем отличное мужество и расторопность окажут, преимущественно представлять на открывающиеся вакансии к произведению по подряду в Хорунжие; а через чин никого отнюдь не представлять, дабы прочие действительно в офицерских чинах вместе служащие через то обиды чувствовать не могли.

10/ Вообще при нарядах команд и полков, офицеров и казаков на службу Войсковому Атаману и Войсковой Канцелярии руководствоваться совершенным беспристрастием, наблюдая безобидное одних с другими уравнивание и очередь, за всякой же вопреки сему поступок немируемое повинны да будут дать ответ.

11/ Когда надобность и обязательства востребуют командировать из сего войска конные или пешие полки на службу внутрь империи или за предел оной, то с того времени, когда они находятся будут далее 100 верст от тех, мест, из которого полк собравшись весь выступил, получать по самое возвращение в границы земли Войска Черноморского следующее содержание: при конных полках Штаб и Ober-офицерам денежное жалование с деньщицкими и рационом по последне-состоявшемуся штату армейских гусарских полков каждому по своему чину; полковому же писарю жалованья в год 30 руб. и указанную дачу провианта Конным Казакам денежного жалованья по 12 руб. а провианту противу солдатских дач, и как писарю, так и казакам производить на зимние месяцы фураж, каждому по две лошади, из коих на одну натурою, а на другую деньгами по ценам в какие в тех местах фураж при покупке его в казну обходится; при пеших же полках Штаб и Ober-Офицерам жалованья деньщицким и рационами по последне-состоявшемуся штату полевых пехотных полков; на деньщиков в натуре никому не давать, писарю также 30 руб. с солдатской дачей провианта; казакам пеших полков равное же с конными казаками т.е. в год 12 руб. и указанную дачу противу рядового провианта. А дабы они имели на чем поднять в походе провиант и экипаж свой, то когда не на судах употреблены, будут производить в каждую сотню на 10 лошадей фураж, овес и сено натурою или деньгами по тем ценам, по каким он в казну обходится, также как выше сказано - по климатам - сверх сего на лошадей под артиллерию и снаряды при сих полках в походе во время войны быть имеющие, ограничивая число их полагаемым на сие употребление при прочих равных калибров орудиях, отпускать на зимние месяцы по климату же фураж натурою или деньгами, как выше сказано, и в случае, когда сколько из оных убито, или отбито будет неприятелем, или же падали от форсированных маршей, - выдавать за них из казны на узаконенном основании и порядке деньги по ценам в штатах полевых пехотных полков подъемной лошади положенным.

12/ Когда в случае открытой войны войско сие употребится в действиях противу неприятеля, хотя бы они и по положению не имея своих по границе и близко от оных отражены были, то производить им равномерное выше писанному содержание с самого того времени, как скоро они будучи посажены на суда пойдут от берегов в море или выступят по сей же причине со сборных мест за границу, не взирая на определенное выше сего разстояние, по возвращении их Войсковым пределам.

Не распространяется сие однако-ж на употребляемых для стражи по границе против сопредельных им хищных народов, для частных экспедиций для репрезальев и наказаний злодеев в пользу войсковых жилищ производимы, а для разездов около своих берегов, принадлежащих к кардинам их страны.

Впрочем все свое мнение Государственная Военная Коллегия всеподданнейше подвергает Высочайшему Вашему Императорского Величества благо-расмотрению.

Резолюция : "Быть по сему".

К ИСТОРИИ ХОПЕРСКОГО ПОЛКА.

... по 13, которые казаки живут ныне в Новохоперской крепости, а уроженцы из Тамбовской провинции разных городов, и служили городовую

службу, и в прошлых годах до Азовских походов сошли в Донские казачьи городки, и с Донскими казаками были в походе под Азовым и в разных баталиях Шведских, и в 1717 г. с службы отпущены и велено им жить в домах до указа, а те дома их вором Булавиным разорены и ныне они живут в одной крепости и служат конную службу: оных казаков в подушной оклад не класть, и из вышеозначенной крепости на прежнее место, где они родились, не вывозить, а быть им в казачьей конной службе по прежнему. /ПСЗ, т. VII, № 4519; 2.6.1724/.

К этой выдержке из ПСЗ /Полное Собрание Законов/ в следующем №13 КИС мы дадим некоторые разъяснения.

ДСН И УКРАИНА.

В № II КИС в рубрике "Дон и Украина" мы писали, что мы займемся здесь только собиранием материалов для выяснения отношений между Доном и Украиной.

Редакция получила от одного Донца письмо /мы не публикуем его фамилии, как и фамилии его корреспондента/, из которого видно стремление Украинцев присвоить себе ДОНБАС, а также заодно прихватить себе и Кубань вместе с Таганрогом и Ростовом, а на некоторых этнических картах и... Новочеркасск.

" Дело было такое: 5-го числа с.м. мною была выписана от Б. его книжка под названием... и вот там на стр. 29 снизу девять строчек я читаю: "... Разсм в Борисом Александровичем и цилий ряд других урядов-пиз зинькивских миських установ також проявляли надзвичайну активність в відродженні НОВОЇ УКРАЇНСЬКО-КОЗАЧОЇ держави, і на очах у населення ця держава все більше і більше зміцнялася у своїх силах. Але і вороги України не дрімали".

Такое для меня не понятное явление, как Украинско-Казачья держава", меня смутило и я черкнул Б. о своем недоумении и высказал ему свои мысли приблизительно так: " Не может быть что бы Украинцы носили два национальных имени, имя Казачье и имя Украинское, что Казаки и Украинцы, это две разных народности..."

Теперь, 13-го числа с.м. я получил от Б. две его книжки... и при этих книжках его письмо от 9.10.59 г. в коем он между прочим пишет мне ответ на мое замечание так: "...хочу сказать Вам, что там /на стр. 29-й/ я не нахожу ничего обидного что могло бы Вас привести в неприятное недоумение. Дело в том, что со времени организации на территории Украины Запорожской Сечи /организатор Дмитро Багда-Вишневецкий 1552г./ Украину называли страной казаков не только украинцы, но и Западно-Европейские народы /Украине Созакорум/. Веками создаваемые украинским народом и распеваемые им на территории Украины тысячи народных песен о казаках говорят о том, что казак жил и живет в самой душе и сердце украинского народа. Я конечно, не историк и не собираюсь заводить с Вами более глубокую полемику на эту тему, т.к. считаю этот вопрос исключительным "деликатесом", качество которого определял до сего времени лишь по своему вкусу... Однако не думайте, что я являюсь врагом организации самостоятельного казачьего государства. Ничего подобного! От всей души желаю Вам осуществления этой Вашей мечты, и хвалю Вас за неё, как казачьего патриота..."

И вот опять таки такое пояснение Б. меня не удовлетворило.

Кроме сего, я намекнул Б. о том, что некоторые из украинцев смеют писать, что якобы "ДОНБАС" уже принадлежит украинцам и Кубанская казачья земля тоже принадлежит им. При чём тут же подчеркнул, что такой взгляд украинцев сознательно сеет семена раздора между Казаками и между Украинцами. Чего не должно быть. Также поставил ему на вид то, что

Украина была страной Украинской, но не страной Казаков; затем москвитям захотелось назвать Украину Малороссией и она порядочно существовала под этим именем, а с приходом на Украину злого московского коммунизма, она опять стала страной Украинской. Казаки же являются совсем отдельным Народом от Народа Украинского и они, эти народы, жили каждый на своей территории, и казаки жили совсем иначе, чем украинцы".

В одном из следующих номеров, КИС этому вопросу мы посвятим особую статью.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОЧЕРКА "Покорение Ермаком Сибирского царства".

А.А. Гордеева.

Общие условия в устьи Волги перед появлением Ермака.

Овладев Казанью и Астраханью, царь Иван Грозный стремился использовать волжский путь для торговли с Кавказом, Персией и другими народами Востока. На Волге нужно было налаживать мирную жизнь, но сил было не достаточно.

После нашествия турецкой армии на Дон и Волгу, Малая ногайская Орда, кочевавшая между Азовским и Каспийским морями, открыто герешла на сторону Турции, и стала во враждебные отношения с Москвой. Турция и Крым требовали возврата мусульманских царств Казани и Астрахани. В 1571 году крымский хан сделал нашествие на Русь, дошел до Москвы и сжег её. Захватил сотни тысяч народа и увел его в неволю. Хан писал царю: "Жгу и пустошу все из за Казани и Астрахани... Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца с твоей головы, но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалился, что де я Московский государь... Захочешь с нами душевной мыслью в дружбе быть, так отдай нам юрты Казань и Астрахань, а дороги твоего Государства я видел и опознал. /Соловьев Ист. Гос. Рос. т. 6 стр. 226 /.

Со стороны Сибири, проявлял активные действия Кучум. Он объединял вогулов и остяков и запрещал им платить дань московскому царю. С ногайским ханом устья Волги, с Тим Ахметом, вошел в дружественные отношения и женил своего сына на его дочери. Царь на дерзкие письма "держался учтивости" и писал ему: "Если ты сердишься за отказ Казаки и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому статься нельзя, у нас должны быть для этого дела твои гонцы; а до тех пор ты пожаловал бы и дал сроки и земли наши не воевал..." В продолжавшейся междуусобице ногайских ханов, небольшой отряд московских стрельцов не в силах был поддерживать порядок в Астрахани, и покинул её. Чтобы удержать свое влияние в Астрахани, Иван Грозный стре-

мился поддерживать дружественные отношения с ногайским ханом Тим-Ахметом. Слал ему денежные "подарки" и обещал помощь в борьбе с его противниками.

Донские казаки находились в непосредственной близости с ногайскими ордами, и как пишет Карамзин: - были настоящим страшилищем и защитой России". Донские казаки разгромили Малую ногайскую орду, перешедшую на сторону Турции. После набега крымского хана на Москву и её разгрома, казаки произвели нападение на Крым, разгромили ханские владения и захватили Азов. /1572 года/.

Активная деятельность казаков "смиряла азиатов", - по определению Карамзина, - но у московского царя вызвала ужас враждебных действий со стороны Крыма и Турции, и гнев против казаков. Донские казаки во второй половине XVI в. окончательно укрепились на Дону. Перед Войском стояла тяжелая задача - обеспечить свою безопасность и согласовать деятельность с Москвой. Будвинутое далеко вперед от московских границ и окруженное со всех сторон азиатскими ордами, Донское Войско нуждалось в помощи Москвы, в борьбе с степными хищниками, не меньше, чем Москва в помощи казаков против тех же азиатских орд.

Войску нужно было создать такую войсковую организацию и форму управления, которая могла бы собрать все силы Войска и направлять их к одной цели. Казацьи Войска: Донское, Гребенское, Яицкое и Волжское, во время монгольского владычества, составляли одно Войско, разбросанное отдельными отрядами на различных пограничных участках Золотой Орды. Отряды эти долгое время чувствовали себя частью одного Войска и называли себя "молодыми войсками", Войска Донского. С распадом Золотой Орды, в силу территориальной удаленности, "молодые войска" приобретали независимость от своей "метрополии" и превращались в самостоятельные. Войска: Гребенских и Яицких казаков, за исключением Волжского, которое, будучи в непосредственной близости к Дону, было в зависимости от него. В других условиях оказались части Войска, которые несли службу при монголах по линии р.р. Хопра, Дона и в Приазовьи. Территорией их был Дон и объединение их являлось вопросом их существо-

вания. "Низовые" и "верховые" казачьи части в монгольской армии тоже составляли отдельные наряды. На особенности каждого из этих нарядов, живших долгое время в качестве "войсковых поселений", имели влияние географические и этнографические условия. Казаки, несшие службу в низовьях Дона и Приазовья, подвергались более инородной примеси и внешнему влиянию, нежели верховая часть, имевшая своим поселением пределы р. Хопра и верхнее течение Дона. В состав Низового казачества вошло много татарского элемента, который, оказавшись, внес много бытовых и военных особенностей, монгольского характера.

Донские казаки нашли в себе силы и умение создать такую организацию, при которой они оказались способными поддерживать внутренний порядок и защищать свой край от нападения окружающих их сильных и хищных соседей.

Во время царствования Ивана Грозного шло объединение Верховного и Низовых казаков. Объединение Войска относится на время атаманства Михаила Черкашина, который был атаманом с 1570 по 1580 год. Низовое казачество становилось центром всего Войска, и Войсковой Атаман становился Единой властью для всего Войска.

Объединение шло не без трений, потому что, при владычестве Монгол, центром для всех частей Войска, было Верховное казачество Червонного Яра на Хопре.

Выдержка из очерка "Приазовская Русь" А.А. Гордеева.

Объединение восточного славянства под общим названием Русь.

В половине IX ст. все племена славян, населявшие Приднепровье, верховье Оки - вятичи, были объединены под общим управлением князей Приазовской Руси. Князь Аскольд, занявший киевский престол, совершил поход на север, занял Смоленск и покорила Кривичей. На все объединенные племена стало распространяться название - Русь. Общеславяно-русский поход на Византию, превратил Русь в сильное государство на севере. Прочным связующим началом было христианство, превратившееся в национальную религию. Объединяющим средством становилась усовершенствованная русская азбука. Великокняжеский стол находился не в Киеве, а в Таврии - в Новгороде, или по гречески - Неаполе. Через высшую церковную иерархию Архиепископов и Епископов, которые были греками, шло культурное влияние: развивалась грамотность, строились церкви и укреплялось христианство. Влияние это было не доступно на севере, для ильменских славян. Среди них прочно держалось язычество с сильно развитым внешним культом капищ, жрецов и религиозных обрядов. То, что изживалось на юго-востоке, заменяясь христианством, прочно держалось на севере.

Новгород был замкнутой областной жизнью, и со своими соседями

русо-славянами поддерживал, гл. обр. коммерческие связи.

К западу от Вислы, на р. Одере, Померании, славянами велись ожесточенные войны с германцами. В этих войнах вырабатывались характеры воинственных, предприимчивых людей, главной целью которых была война, набеги и военная добыча. К числу таких вождей принадлежал один из князей Оборотов-славян - Рюрик.

К управлению страной и организации государственного порядка, Рюрик был совершенно не подготовлен. Княжение его в Новгороде началось с того, что против него вскоре поднялось, призвавшее его, население. Рюрику удалось справиться с восстанием. Он убил своего противника, Вадима арабского, и вместе с ним уничтожил его советников. После чего начал уничтожать всех знатных людей Новгорода. Спасаясь от расправы, новгородцы стали бежать из Новгорода и искать убежище в Киеве, "началось бегство лучших людей в Киев". По сведениям Синодальной Летописи, в которую вошли отрывочные сведения записи новгородских летописцев, "Новгородцы и кривичи послали послов к Руси - к морю Понтийскому, еже словеть - руському за помощью против насилия Рюрика, "еже насилье деяху словенем, кривичем и мерям".

Послы пришли к Понтийскому морю к русскому князю, Олегу. Князь Олег собрал войско, и в 867 году выступил на помощь новгородцам и кривичам. Он поднялся по Днепру, прошел город Любеч, Чернигов, Смоленск и с боем овладел Новгородом, и изгнал из него Рюрика, освободив новгородскую область от его насилий. Поход князя Олега в Новгород положил начало объединению всего восточного и северного славянства, под властью князя Приазовской Руси.

Согласно исследования Бременских хроник, Рюрик в 867 году в Новгороде уже не был. После изгнания его Олегом, он бежал на запад, и в 873 году был убит во время набега на один из франкских городов.

КАЗАЧЬИ ГОРОДКИ И ОСТРОВА ПО ДОНУ.

В истории Дона часто упоминается о городках и об островах, но не было составлено специальной географической карты с обозначением всех бывших и настоящих городков Дона, начиная с карты Птолемея, на которой обозначены города, как Танаис, в устьях Дона, затем гор. Экзополис, находившийся в том месте, где Танаис ближе всего подходит к Волге; название этого города существовало еще в начале 1600-х годов; между этими двумя городами греческого происхождения, судя по их именам, приблизительно на половине существовал город Наварис, вне всякого сомнения римского названия, что свидетельствует о том, что Дон-Танаис находился во владении Рима; это подтверждается тем, что в "Слове о полку Игореве" говорится: "Вступила девица на землю Трояню, всплескала лебедиными крыльями на синем море, у Дону, плещучи"... Что это за остров Фасос, о котором говорит Х.И. Попов. Все эти отдельные карты нужно бы собрать вместе. /Автор имеет к тому возможности, но неимение средств препятствует этому/.

Нижеследующие названия мест по Дону взяты нами по карте, отпечатанной в Амстердаме у Хендрик Донкер. План снят капитаном Памбергом при прорытии Донско-Волжского канала в 1699-1701.

Петр I сделал распоряжение, чтобы был снят план всего течения Дона, начиная с его истоков, от Ивань /ударение на "и"/ озера, переданное в "Иваново", и до самого Азовского моря.

Карта эта довольно большая; представлена она на 19 листах. Всего на них помещено 30 отрезков Дона, представляющих собой все его течение /на многих листах помещено по два отрезка/; карта редкая.

Мы начинаем от границ Донского Войска

Правая сторона

Р. Калитва от стели
Данилова Тимба
Донечко м-рь
р. Донец
Арека затон
гор. Казанка
Погребенное место
Кипидон м-р
р. Тихая

Спасской м-р /близко остров/

Роспопин гор.
Худое место
Кледкой гор.
Протокия
Перекопская
Серебряной остров
Новогригорьевский
Григорьев
Сиротин /почти на острове/

Царский Запасный Двор

Гора Белой Камени
р. Верхняя Голубая
р. Голубенка
гор. Голуби
гор. Пять Изб
гор. Чир Верх.
гор. Чир Нижней
гор. Кобылки
р. Солона
Исаулов /написано через А Иоти-
ванный/

гор. Симавсеки
Курман Яр, Верхней
гор. Нагафкин
Нагафкин
Нижне-Курманный Яр
гор. Нагавкин /?/
гор. Терравой или Терновой
Затон Кобелев
Ордунова Затуба
Туба
р. Цымлы

Левая сторона.

Затон или Белое море
Р. Мамон
Донецкой гор
р. Казанка

р. Песковатка

гор. Тишанской
гор. Решетово
Зеленая Земляная гора
гор. Веошка
гор. Елан /"Е" обозначено
из вс малый/
р. Елан /то же вм мал./
р. Хопер
Царисна тува
р. Медведица
Усть-Медведица

Кременной гор.

р. Иловля /зде Перекоп от Иловли
р. до Камышенки/

Илово гор.
Фисатеха /слав. бук./
Паншин гор.
р. Паншина
Сладкова Деревя земля
р. Песковатка
Остр. Девевоенной

р. Карпова

Царица речка
р. Мискова

р. Колова, из степь

гор. Филиппской

Двадорна

гор. Гымла
гор. Кумшак
гор. Романовской
Верхняя Качала/над словом стоит
титло/, на острове/

гор. Камышников
Проварозом

р. Сухая

р. Пагрома

гор. Маторенский /остр./

гор. Михайлов Верной /остр./

гор. Михайлов Нижний

гор. Траилин

гор. Качальник, на остр.

Порная остр.

гор. Вабин, на остр.

р. Гнилая

р. Донец

гор. Кочетов, почти на остр.

гор. Семикаракор

р. Сухой Донец

гор. Раздоры

Большой остров, образуемый Доном, р. Сальтопарович, пала из степи
близь от Волги, и р. Зусат /Сусат/. Волавоу остров.

гор. Мелехов

гор. Бусерханск

р. Аксай

гор. Бугай, на острове, против
Катлубинской /остр./

Писаной остров

гор. Карчала нижн.

р. Манитс

гор. Маныч /остр./

Погова туба

Быстренский остров

р. Тимерник

После этого идет детальная часть устья Дона и западная часть Азов-
ского моря до р. Кальмиуса.

Есть еще карта составленная известным французским географом де Лиль
в 1703 г., но эта карта касается всей Московии /так на ней обозначе-
но/; часть этой карты, касающейся всего Дона, помещена в календаре -
Альманахе "Вольного Казачества" /Прага 1930 г./

Что касается расположения и названия городков по самому Дону, то
мы должны отдать преимущество карте Памберга, потому что он ехал по
Дону и записывал, но Делиль составлял карту со слов самих Великорусов
и на карте обозначены не мало интересных сведений, которых у Памберга
нет, т.к. ему была дана узкая задача.

Но интереснее всего было-бы найти карты /"чертежи"/ Дона, Яика
и Терека, о которых мы говорили в № 7 КИС "от Воронежа по реке Дону
городам и казачьим городкам до Азовского моря", но еще интереснее бы-
ло бы знать "ди от Тонбова по реке Хопру казачьим-же городком", т.к.
эти места совершенно неизвестны, а это в связи с описанной М.Ф.Фомин-
чевым встрече и разговорам с монахами и крестьянами в Тамбовской губ.
особенно увеличивают этот интерес.

Ив. Б.

РЕЙД МАМОНТОВА.

В № 5 КИС помещена заметка под заглавием "Рейд Мамонтова" с просьбой
к лицам, участвовавшим в этом рейде, осветить его ввиду того, что по

поводу этого рейда и самой личности Мамонтова ходило много противоречивых и часто нехороших слухов.

На это предложение отозвалось несколько лиц: И.Н.К. - "Генерал К. Мамонтов" /КЕ. № 13/, А. Протопопов - "Рейд Мамонтова в 1919 г." и "К истории Мамонтовского рейда" /КЕ. № 27 и 30/, Теркский казак - "К истории Мамонтовского рейда" /КИС № 9/ и Е.Ковалев - "К 40-летию Мамонтовского рейда" /Р.Кр. № 23/ еще неоконченная.

Статьи эти разно подходят к этому вопросу; наиболее обстоятельная из них статья Е.Ковалева, составленная по материалам относящимся к рейду.

Мы должны прежде всего определить, что такое "рейд". Рейд есть, собственно, морской термин, но в сухопутных войсках под этим словом разумеется легкая операция небольшой части армии, имеющая значение крупной разведки, а так же причинение возможного вреда неприятелю, но никак под рейдом нельзя разуметь операций с расчетом на захват больших территорий и удержание их в своих руках, особенно малыми силами.

Этот рейд должен быть рассмотрен с трех точек зрения: его непосредственной цели, его выполнения и самой личности Мамонтова, т.к. он руководил им, почему рейд и называется "Мамонтовским".

Цель рейда по А.Протопопову такова: "Прорвать неприятельский фронт, разгромить тыл красных, их штабы и новые формирования, взорвать мосты и железно-дорожные узлы, уничтожить все склады питания и боеприпасов красной армии". Е. Ковалев приводит цели рейда /по Добрыню/: "Прорвать фронт противника между Борисоглебском и Бобровым и, разрушив тылы красных, способствовать быстрейшему продвижению Армии."

Тут цель рейда уже более ясная - "прорвать фронт между Борисоглебском и Бобровым и разрушив тыл красных, способствовать быстрейшему продвижению Армии".

Видимо Мамонтов увлекся первоначальной легкостью побед, происшедшей от неожиданности для самих красных этого рейда.

Но идти все вперед и вперед без отдыха /войска и лошади ведь утомляются и им нужен отдых/ и взять Москву, как намеревался сделать это Мамонтов - это сесть в ловушку.

Не может же маленький отряд без тылов, без баз, с ранеными и больными казаками, стесняющими маневры отряда, а маневр в этом рейде играл большую роль, мог ли этот отряд удерживать всю захваченную им территорию и повернуть ход борьбы в другую сторону? На что Мамонтов мог надеяться?

На крестьян-Великорусов надежды не было никакой, им нужна была только земля, а кто им её даст для них было совершенно безразлично. Большевики её дали, а тут Казаки идут отбирать её; это, конечно, была ложная пропаганда, но ведь ОСВАГ расклеивал афиши, требуя аренду за землю, о чем говорит и сам А.Протопопов.

Мамонтов мог-бы рассчитывать на серьезную поддержку рабочих, но для этого должен быть подготовлен кадр хороших пропагандистов - ведь это же была гражданская война, т.е. вооруженная борьба идей за лучшее устройство жизни, тогда как Мамонтов не нес с собой никаких идей, а если он и нес их, то старые, из-за которых и вспыхнула революция.

И прав был Лидин, знавший настроение крестьян, что нельзя было делать такой рейд без ясной и точной политической программы.

Мы не касаемся обвинений другими самого Лидина, для данного случая они совершенно не причем, а важно то, что Казак очутился среди великорусов - крестьян и знал их настроение.

Отсутствием этой пропаганды совершенно правильно возмущается и В.А. Беляевский /"Правда о ген. Деникине", стр. 45 /.

Но первоначально напуганные большевики вскоре всё же выправились; ресурсы у них были огромны и, самое главное, превосходно поставленная пропаганда, да, наконец, не дураки же там сидели, чтобы не дать отпора зарвавшемуся Мамонтову.

Своим далеким явно неблагоприятным рейдом он испугнул, заставил насторожиться и красное командование и самую красную верхушку, и в этом случае он принес только непоправимый вред делу борьбы с большевиками.

Когда Добрармия подходила к Курску и Орлу, она уже встретила организованное сопротивление и покатила назад до самого Новороссийска, дальше началась уже агония.

Рейд Мамонтова, когда он вышел за пределы данного ему поручения прорвать фронт между Борисоглебском и Бобровом - обратился уже в чистую авантюру. /Под "авантюрой" мы разумеем действия надлежащим образом непродуманные, нерасчитанные, а действия - на счастье, на удачу и более всего на "авось"/.

Судить о проведении самой операции это дело военных, и Е.Ковалев дает ему оценку - это была авантюра и Деникина и Мамонтова.

Что представляет собой сама личность Мамонтова? Прежде всего откуда он родом?

"Происхождение его - древне-славянское, от предков свободного Великого Новгорода... Вот почему атавизм /наследие предков/ свободы новгородцев так ярко обрисовался в душе К.К.М., когда он вступил в ряды Донских казаков, являя собой образец истинного казака-националиста, за что и поплатился преждевременной смертью, будучи отравленным в 1920 году".

Откуда взял автор статьи И.Н.К., что Мамонтов был отравлен и что он Казак-националист?

После того, как он выпустил шесть пуль в любовника своей жены и выбросил труп среди бела дня на улицу, его посадили в Петрогавловскую крепость и как раз, "благодаря судьбе", в тот каземат, где сидел легендарный Вихрь- Атаман Платов...

Вообще вся эта статья о Мамонтове сплошной дифирамб /похвальная речь/ очевидно не в меру влюбленного в него автора статьи.

"С подусниками", "тонкая талия" - все это внешние качества Мамонтова, нас же интересуют его внутренние достоинства.

Другую версию происхождения Мамонтова дает А. Протопопов.

"Оставивший нас ген. Мамонтов был природный казак Уральского каз. войска. Окончив Николаевское кавал. училище и не желая служить в не казачьих частях, он просил о переводе его в Донское войско, т.к. его пра-прадед был Донской казак - сподвижник Ермака Тимофеевича. Ген.Мамонтов был зачислен по Донскому войску в I-й Дон.каз.полк и был принят в ст-цу Нижне-Чирскую. В войне 1914-18 гг. он отлично командовал 19 Дон. каз. полком.

Очевидно, что в биографии Мамонтова есть какая-то большая "неувязка" /ср;по И.Н.К. в "К.Е." и по А. Протопопова, "К.Е." № 27/, но неувязка, объединяющая благоговением авторов перед этой личностью.

Если верить И.Н.К., что Мамонтов убил кавалергарда, любовника своей жены, то это свидетельствует о том, что он вращался в высшем обществе, почему и не был привлечен к суду за убийство, а просто сослали его "в казаки". Какой-же это казак-националист!

Когда он и откуда появился среди Казаков? По И.Н.К. он был принят в Казаки Усть-Хоперской ст. еще в 1910 году и, как видно, заочно, но это можно проверить только по приговорам станичного сбора.

По другим он был принят Казаком ст. Нижне-Чирской, хотя некоторые уверяют, что он был принят в эту станицу только как почетный казак,

то-же можно проверить по приговорам.

Но вот важно проверить - когда и откуда он впервые появился в казачьих частях.

По И.Н.К., Мамонтов, находясь в Петропавловской крепости, получил приказ: "...извольте немедленно отправиться в распоряжение командира 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеевича полка! Вот вам проездные деньги... Распишитесь!"

Такое отношение к Мамонтову еще лишний раз подтверждает о его связях в светских кругах.

Но в каком году это было? Очевидно гораздо раньше 1910 г. т.к. в этом году он уже был принят Казаком в Усть-Хоперской станицы.

В 1912 г. он был переведен /очевидно из 3-й Дон.каз.п./ в 1-й Дон.каз.п., тогда как по А. Протопопову он сразу же был зачислен в 1-й Д.К.п., т.е. ранее 1910 г. В июне 1914 г. был назначен командиром 6-го Д.К.п. с которым и вышел на войну.

Е.Ковалев в № 25 Р.Кр. вносит уточнение к написанному в 5 ч. /№ 24 Р.Кр./, что в 1914 г. в начале 1-й мировой войны Войс. Ст. Мамонтов командовал 19-м Дон.каз. полком. Германскую войну окончил командиром бригады 6-й Дон.каз. бригады.

Из всей этой "перепутаницы" обстоятельств и дат появления его на Дону и вообще его службы в казачьих частях мы определенного толком ничего не знаем; подлинные причины всего этого видимо "покрыты мраком неизвестности"....

Есть два факта, про которые мало кто знает или просто на них никто не обратил внимания.

Автор этой заметки прочитал, к сожалению он уже не помнит в каком именно Казачьем журнале, что когда Мамонтов пришел в Нижне-Чирскую станицу, то в беседе с рядовыми казаками, он им сказал, что "ваши офицеры не заботятся о вас".

Будучи глубоко штатским человеком, автор этой заметки был крайне поражен, когда прочитал эти слова. Если он дисциплинированный офицер и начальник", как заявил он о себе /К.Е. № 27, ст.12/, то он, заметя такое отношение казачьих офицеров к Казакам, должен бы собрать одних офицеров и указать им на их такое отношение к Казакам, и если нужно, то сделать и нагоняй за это, а не подрывать дисциплины, не настраивать Казаков против их офицеров.

Такие слова возможны только в авантюристических устах, т.к. подобные слова быстро распространяются и если он к тому же действительно проявил несколько большую заботу и внимание к Казакам, то он в доверчивых и простодушных сердцах Казаков снискал к себе доверие и любовь, и в то же время вселил в души Казаков некое ое недоверие к их офицерам.

Второй случай.

Во время перерыва одного из заседаний Круга чреди членов его, куда доступ посторонним лицам был строго воспрещен, появился ген. Мамонтов в шинели с плетью через плечо.

Когда нас приглашают в гости, или на какое нибудь торжественное собрание, заседание, то мы, чтобы выразить хозяину или самому собранию уважение, приводим себя в порядок: чисто выбреемся, надеваем свежее белье, выходной, праздничный костюм.

Всякий человек, даже душевно больной, в своих действиях руководится какими-то мотивами, без мотивов нет действий.

Какими-же мотивами руководился ген. Мамонтов, появляясь на Круге с плетью через плечо? Ведь он о чем нибудь думал же, надевая на себя плетью? Не является ли это психологической предпосылкой его будущей деятельности, когда он добившись поста Войскового Атамана, а он несомненно, стал бы добиваться этого и мог бы добиться, т.к. у него были

и сторонники, особенно среди депутатов Нижне-Чирской станицы.

И не сыграл ли бы он на Дону ту же роль, какую сыграл на Кубани, обласканный Кубанцами, ген. Покровский?

Ведь Мамонтов своим рождением и воспитанием связан с той средой, которая не очень то любит Казаков.

Автор этой заметки хорошо знает, что у лиц, особенно тогдашней молодежи, высокочтущей Мамонтова, эти мысли и мнения о нем могут вызвать с их стороны неудовольствия и даже упреки. Так, Редакция получила от одного партизана письмо, в котором он выражает свое неудовольствие, что мы своих выдающихся лиц развенчиваем, а одна страна "из поражения сделала победу".

А ну-те-ка, дорогой станичник, из поражения нас большевиками, сделайте-ка себе победу над нами!

. . .

От Редакции.

Не может ли А. Протопопов объяснить, почему Тульская дивизия, эта, как её звать, "железная дивизия", присоединившаяся к Мамонтову, почему она, будучи уже на Донской земле, в одну прекрасную ночь снялась и ушла?

"КНУТОВОЙЦЫ".

В связи с появлением в СССР книги С.И. Семенова "Степь Ковыль - ная", посвященная истории насильственного переселения с Дона на Кубань Казаков, мне вспоминается, что еще... в детстве моего деда и даже отца казаки старики в шутку дразнили "кнутобойцами". Впрочем не только их, но и других, но никто не мог тогда мне объяснить почему их так дразнят! И вот теперь то я знаю. Моего прадеда привезли на Кубань на подводе, так как его спина - это была сплошная рана. Мой прадед Леонтий Братчиков, казак ст. Кабилянкой. Вот оттуда мои предки.

Эта маленькая семейная "иллюстрация" показывает нам как заботилась о нас наша "Матушка"...

Д. Братчиков.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ГОСПОДИ И ВЛАДЫКО !

Долго, Боже, мы Тебя искали,
Создавая Образ Твой в себе...
Думая о Тайне и Начале
В злободневной, суетной печали,
Падали сраженные в борьбе.

Падали... и поднимались снова,
Только Небу веря и молясь.
Жаждали спасительного Слова
И Истока не ища иного
Шли к Тебе Крестом Твоим крестясь.

Сотни лет десятки поколений
Веру эту крепко сохраняя
Шли в огонь без страха и сомнений
И в порыве выских восделений
Чаяли спасительного дня.

Из того, чего душа хотела,
Из того, что в нас святого есть,
Создали мы Мысль Твою и Тело
И легенда о Тебе летела:
Нам-же нами посланная весть!

И молились, ждали и терпели
Жалкие, усталые, в пыли...
Ближе мы познать Тебя хотели,
Но найти дороги не сумели,
Отклика в Тебе мы не нашли...

Отзовись-же...отзовися, Боже!
Образ въяве покажи нам Твой!
Мы свои старания умножим,
Сил остатки не скупясь приложим,
Чтобы слиться навсегда с Тобой.

П. Поляков.

ЕРМАКОВЫ БЕЗ АЛЕКСЕЯ.

/ Глава из Записи о Былом "Казак Ермаков" /.

Перебравшиеся к Родионовым Николай с Марией, как и следовало ожидать, прожили у них лишь очень короткое время, - "без года неделю", - не замедлив водвориться в прежнюю обитель Андрея Яковлевича, - двух комнатный домик, пустовавший после переселения Ермаковых в купленный большой курень.

Невзятый на войну Николай ничем определенным не занимался, получая какие-то гроши за участие в церковном хоре и "сбывая пойманную рыбку". Так как этих тощих доходов не хватало на расходы, то выручала сыночка милосердная мамаша, к которой он прибегал во всякую трудную минуту, вымогая у Васильевны мыло, дрова, куски сала зарезанной вы - кормленной ею свиньи. От многообещающих Родионовых молодой паре ничем не удалось "подлиться". Тем не менее, супруги жили не совсем бедно, так как принимали охотно и часто посещавших их гостей, приводивших с собой и милых друзей, - завязтых картежников и любителей обильно лившегося за игрой и дружескими беседами самогона. Соседи шушукались по этому поводу, считая приносивших бутылки и закуски визитеров доходной статьей семейства.

Вскользь и неясно сообщенная токинцем с фронта весть об Алексее не сразу дошла до родителей. Первым её узнал от друзей Николай, но, по совету жены, помалкивал, ничего старикам не сказав. Мария тайно радовалась предполагаемой гибели шурина, надеясь стать с мужем единственными наследниками прельщавшего её "богатства" свекровей. Бедные старики продолжали томиться, тщетно ожидая от сына неприходившее письмо. Гипотеза из услышавших сомнительный слух об Алексее не решилась передать отцу с матерью непроверенное, возможно ошибочное роковое сообщение. Но "шила в мешке не утаишь". Хотя и не так скоро, последними, но, когда Ермаковы узнали о присланном на Токин письме, Андрей Яковлевич немедленно пешком побегал на этот хутор, оставив в слезах стоявшую перед иконами Васильевну, не знавшую, как молиться об убиенном-ли, чему материнское сердце не хотело верить, или раненом, стало быть живом "вогне Алексее", служить о нем молебны или панихиды.

Замученные переживаниями старики осунулись. Сильно побелели их головы. Андрей Яковлевич сделался еще больше молчалив, а Васильевна не успевала утирать горючие слезы и стоять на коленях перед божницей.

В опустевших больших комнатах поселилась трагическая мертвящая тишина. Забившись от неё в кухню, старики молча сидели у камелька грубки, вздыхая, думали свою горькую думу. Они избегали входить в комнату Алексея, где стояла потерявшая тепло его тела постель и с фотографией весело смотрели полные жизни и надежд на будущее молодые улыбающиеся глаза, а ряды книг на полках, казалось, терпеливо ожидали знакомого любозного прикосновения дружеских рук хозяина. Проветривая комнаты и одежду, Васильевна ощущала невидимое присутствие где-то далеко "за горами, за долами" отсутствующего, даже может быть, и мертвого... "Не дай Господь"... сына, прижимая к сердцу пальто или рубашку. Но, хозяйственная и заботливая, заметив слегка распоровшийся шов, думала: - "Надо зашить", а при виде достаточно поношенной рубашки, речала: - "Эту не будет носить. Отдам Николаю".

Активно подбравший передаваемое ему "барахло" брата, Николай частенько заглядывал в отцовский дом, толкаемый туда женой в корыстной надежде, что "авось, чтонибудь перепадет". Сама же Мария к свекорам ходила редко. Провожая к ним мужа, она, грозя пальцем, приказывала: - "Гляди, не выболтай. А то окажется, что он, моё, живой и ты-же в брехне окажешься. А про то, что я забеременела, когда будешь говорить,

то поглядывай, возрадуются или нет." - Выслушав-же от возвратившегося Николая подробный доклад о свидании, с недовольством вывела заключение: - "Небось, кабы у женатого-б Алексея ды жена была-б в тягостях, так сияли-бы, радёшенькие. А мы, неимущие, только от них и слышим: "Чем кормить, да обувать и одевать будете?" Это вместо помощи-то от таких богатых родителей". -

У "навинченного" супругой Николай в ответ на её изречения сжимались кулаки и "буравли" из подлобья сверкали злобными искрами.

Аргентина.

П.А. Соколова.

ПЕРВАЯ СТЫЧКА.

/ Из романа "За Край Родной" /

Зачиналось погожее майское утро.

Церковная площадь была бы совершенно пустынной, если бы не одинокая фигура часового, неподвижно стоявшего на посту около правления, с винтовкой у ноги и с накинутой на плечи ватной поддевкой, отдававшей себя чувствовать утренней свежести. Вокруг него, во всех палисадниках, узким зеленым поясом охватывавшим площадь со всех её четырех сторон, бушевал, как поется в песнях, май. Отцветали тонкоствольные кусты царского терна, густой сплошной массой усыпанные белыми, снежно-пуховыми, с остреньким медовым духом, цветочками... Полным цветом цвели невысокие дулилки... Еще пышней через несколько дней расцветут яблонки - почки их уже полопались и обнажили красноватый по краю верхний слой лепестков со свернутым пока внутри его белорозовым цветком. Когда он распустится, то вся яблонка, с густо им усыпанной верхушкой, по невольной и неизбежной ассоциации идей, напомнит собой юную девушку-казачку в белом подвенечном платье, стоящую под венцом. Недаром про майскую в цвету яблонку говорят, что она "заневестилась"... Сиреневые кусты, недели две назад, распустились гроздьями своих бесчисленных, - простых-четырёхлепестковых и "двойных" - пятилепестковых, приносящих счастье, цветочков... Сиреневые гроздья-цветы стояли прямо как свечки, как бы тянулись вверх, к небу... Наоборот, гроздья - цветы белой акации свисали верхушками вниз, - притягивала их, видно, к себе земля, вспоившая их своими соками и они, благодарные, от холода почти бездушные утром, вечером испускали пьяняще-приторный запах, густо стоявший в воздухе и круживший головы молодым парням и девушкам... Рдеи внизу, сквозь просветы палисадных оград, распускаясь темно-красные розы, желтели "Иваны да Марьи", белели висячими цветами садовые подснежники... На решетках балаяс куреней, сплошь обвитых повителями, пооткрывались на утренней заре ее разноцветные колокольчики, что готом, от солнечного припека, свернутся остроконечными, конусообразными трубочками...

Наступал золотой майский день. Гулко пробило четыре часа. Дрогнул, наполнившись звенящей медью, недвижный воздух. Сквозь гул, между первым и вторым ударами колокола, прорвалось частое хлопанье крыльев - то сорвались с карнизов колокольни застигнутые врасплох, недавно проснувшиеся голуби... Зазвякали щеколды, там и сям скригнули отворные - мые двери, от ближайшего куреня слышалось шарканье чириков по деревянному настилу... На крыльце стояла, зевая и крестя рот, простоволосая дородная казачка в розовой ночной рубахе с короткими рукавами вместо кофточки и в старой вылинявшей цветной юбке, подпоясанной завеской. В левой руке держала она за дужки две цыбарки, шла она доить коров... Забрехали и скоро замолчали потревоженные псы... Заскрипели в отдалении буравцы - перед выгоном в степь поили рогатый скот... Потянуло горьковатым кизечным дымком - задымили летние кухни... В конце станицы, заглушенный расстоянием, слышался крик: "гэ-гэ-эй!"

и щелкнул три раза подряд, точно выстрелил, длинный гасушечий кнут... Не отрывая морды от земли, выныхивая что-то, вилжил по площади голенастый черный кобель. Добежав до правленья, он задержался на мгновение, с явным удивлением посмотрел на часового. В глазах его читался немой вопрос: "а ты чего тут делаешь?" Не дождавшись ответа, он снова уткнулся мордой в землю и, помахивая хвостом, продолжал свое, собачье, обследование площади. За правленским углом слышались спешные шаги и покашливание. Через минуту показался Данил Трофимыч. Старик, встававший всегда с зарей, шел в правление.

- Ничего не случилось ночью? - спросил он часового.

- Все обошлось, как до се, - ответил тот, сбрасывая с плеч поддевку. - Как сменил меня Копняев Игнат, ничего не заметил.

Часовой оказался молодым, лет восемнадцати, парнем. Одет он был как-то странно - совсем не по военному и в таком виде, сняв только наплечный патронташ, к слову сказать, совершенно пустой - единственная по недостатку патронов обойма, полагавшаяся каждому дружиннику, находилась в магазинной коробке винтовки, - мог смело идти по своим домашним делам, кормить скотину или ехать в поле. Обычная, залатанная и застиранная, неопределенно-серого цвета рубаша, штаны с бледно-красными, скорей розовыми лампасами, вобранные в белые шерстяные чулки, на ногах традиционные чирьки. Из всего наряда его лишь буражка с красным окошечком, сдвинутая немного назад и на бок и обнажавшая рыжий чубок, с неизменной плоской жестяной бело-желто-черной кокардой, еще могла указать, что владели ей имеет какое-то отношение к военной службе.

- Ево благородие - Иван Федорыч не пришел?

- Вон он идет, - сказал часовой и вытянулся, приставив к ноге винтовку.

В самом деле, площадь пересекал подьесаул Колесов в кителе, с револьвером и при шашке. Не смотря на ранний час, уже шел на работу. У него вошло в привычку, вместе с командиром пешей сотни - хорунжим Машкиным, каждое утро присутствовать при выходе дежурного взвода на смену очередной заставы, пробывшей на позиции положенные ей три дня.

Резервный взвод дежурил в станице всего одни сутки. Днем, соблюдая очередь, группами по четыре человека, все казаки взвода успевали побывать по домам, используя короткий отпуск для пополнения казенного пайка грудой пропитанных коровьим маслом "пресных" пышек, тащив во рту оладьев или запасом, с расчетом на три дня, сдобных сухарей... Ночью же, во избежание недоразумений, казакам дежурного взвода строжайше воспрещалось покидать правленский двор. Это обстоятельство не устраивало кое-кого из молодежи, мечтавших о свидании с девушками, но делать было нечего, приходилось подчиняться правилам военной службы... Спал резервный взвод в тыгулевке, сообщавшейся с майданом узким коридором. Часть, человек десять, размещалась на нарах, остальные - на полу, густо застланном сеном.

Пребывание в тыгулевке вызывало много шуток и служило постоянной темой вечерних разговоров.

Мы, вроде, как бы заарестованные нонче, - говорил один из казаков, устраивая себе изголовье из свернутой поддевки.

- Не мы одни, а вся сотня, - подхватывал сосед. Каждый день - новые сидельцы.

- А помните, ребята, как Сема-бессильный высадил решетки в окнах, када посадили ево в тыгулевку? За цыгана, за конокрада?

- Чуть не убил цыгана... И вдарил-то ево всево раз.

- Да-вить, у него не кулаки, а свинчатки. И силища! Десять казаков облепили его и ни с места. Таскает всю кучу за собой и хучь бы што. Так клубком, с грехом пополам, и притащили его до тыгулевки.

- А решетки коваль на болты опосля скрозь стенку взял...

- "Сиху-у за реше-о-откой

В те-емни-и-иде сире-ой"... - заводил было любитель поиграть песни, но не поддержанный никем, замолкал.

- Вы не шумите даже, ребята, Нам ночью на часах стоять.

- Боишься не выспишься? Привыкай, браток. Это-вить, только начало...

Взводный урядник с дежурным по взводу казаком, совмещавшим обязанности разводящего, сидели, обычно, в помещении казначея и при слабом свете десятилинейной керосиновой лампы, некоторое время резались в подкидного. Стоявший тут же на часах у денежного ящика казак с любопытством следил за игрой и радостно "грохотал", когда взводный, не смотря на свои лычки, оставался "в дураках".

- Не везет тебе нынче, Тарас Иваныч, - говорил он, давась от смеха. - В третий раз подсекает тебя Егор.

- Сдавай еще раз, не хочу дураком ложиться спать, - приказывал урядник.

В конце концов, ему удавалось выиграть партию. Довольный, он бросал карты.

- Ну, ты, дурачек, дежурь, а я спать ляжу. В случае чево, толкни в бок...

Он растягивался на широкой лавке и мгновенно засыпал. А дежурный борясь со сном, сидел за казначейским столом и время от времени поглядывал на стенные часы - сверялся, не пора ли будить смену.

Данил Трофимыч поджидал на крыльце подходившего начальника станичной обороны.

- Здорово, Андрей, - поздоровался с часовым подбесаул.

- Здравия желаем, Иван Федорыч! - наполовину по военному, наполовину по штатски ответил на приветствие Андрей.

- Не знаешь, взвод готов?

- Должно готов. Шумели сычас.

Как раз в этот момент из правленья донеслась громкая команда:

- Выходи на плац! Строиться! Живо!

Через минуту послышался топот ног и на крыльцо, оттеснив к перилам начальство, высыпали первые, из выходившего строиться взвода, казаки.

Какие казаки! Ни одного с усами, все, как на подбор, молодые парни, одетые одинаково, так же, как стоявший последнюю смену на часах Андрей. С холщевыми и кожаными сумками на спинах, набитыми домашней снедью, в винтовками в руках, смеясь и переговариваясь, они сбегали с крыльца на площадь и строились там в две шеренги. И сзади всех торжественно выступал Герман Минаич. Как это ни странно, старик оказался почему-то среди "сосунков", при самом возникновении станичной дружины образовавших отдельный от пожилых казаков взвод.

Танулись парни друг к другу, просили начальство не разбивать их, обещали драться "еще похлеще брентовиков"... По этому поводу в военном совете происходил обмен мнений. Данил Трофимыч был против.

- Пер-пугаются кукаты, вчистую могут пропасть, - говорил, приводя резон, Данил Трофимыч. - И вред, к тому же, могут принести... Храбрыся сычас, а када коснется дела... Как она повернется - Бог его знает... Не взять бы греха на душу, дети-вить... Перемешать их промеж стреленых казаков, вот моя мнения! - категорически заявил он под конец.

Подбесаул Колесов дал высказаться всем членам совета. Сам он был склонен удовлетворить просьбу парней. Не хотелось ему отказом обидеть их - добровольно, с величайшей охотой, как один, поднявшихся на защиту станицы. Он отлично понимал, что в этом призыве их много было от детского: полное незнание со всеми военными ужасами, превратное представление о войне, как о какой-то героической забаве, где каждый из них мог совершить необыкновенный подвиг, заслужить славу и честь, как непосредственную награду за этот подвиг, а в дальнейшем уважение со стороны взрослого населения станицы и неувядаемый ореол героя в глазах всех девчат... Если бы было только это одно - подбесаул, прекрасно отдававший себе отчет в той ответственности, какая лежала на нем за жизнь каждого, вверенного ему станицей, человека, не раздумывал бы ни минуты и немедленно принял бы все меры, чтобы оградить эту жизнь от ненужной опасности. Было, однако, нечто, что мешало ему эти меры, вроде предложенной Данилом Трофимычем, применить по отношению к парням - это боязнь потушить тот жертвенный огонь, которым загоралась молодежь и этим сразу понизить, а то и просто радикально изменить её настроение. Казалось бы, не велика беда - какие-то там сорок с небольшим молодых парней, обижённых начальством, начнут как-то выражать недовольство, станут, скажем, плохо, спустя рукава, относиться к своим, ими же самими, по внешнему легкомыслию, принятым обязательствам или вдруг, в виде мальчишеского протеста, просто разойдутся по домам... В другое время, при других обстоятельствах, это было бы действительно пустяки. Ну, разошлись и разошлись, не делать же из этого драмы. При существовавшей же в станице обстановке, такое, или подобное ему, событие, грозило бы весьма серьезными последствиями, могшими даже повлиять на общий ход всего противобольшевистского восстания, стихийно вспыхнувшего в станице и на какой-то момент увлекшего за собой, если не всех, то огромное большинство граждан. Подбесаул Колесов всегда помнил, что общественное мнение в станице не было единым в основном, по-истине - жизненном вопросе, в вопросе об отношении к новой большевистской власти. И не только до восстания против нее, но и после, когда самый акт восстания, как будто, красноречиво говорил об этом отношении. Старики поголовно были настроены против. Незначительное численно, но сильное единодушием, и боевым опытом, приобретенным на недавно минувшей неудачной войне с немцами, меньшинство - фронтовики, с самого начала по прибытии из окопов в станицу, окунувшись в семейную обстановку после нескольких военных лет, смертельно от них уставшие, заняли нейтральную, по отношению к большевикам позицию, и с этой позиции не сходили ни на шаг все шесть месяцев вплоть до начала восстания... Три недели тому назад, после бескровного изгнания из станицы красного понтонного батальона, на многолюдном, в полторы тысячи человек, станичном собрании, огромным большинством было принято решение присоединиться к начавшемуся на Чире восстание против красных. Для начала сбор постановил мобилизовать три переписи казаков, начиная с девяносто первого года. Одновременно была объявлена запись добровольцев в станичную дружину. Под эту частичную мобилизацию подпадала часть фронтовиков. Трое из них - младший урядник Самофалов и приказные Кадычкин и Траилин на следующее утро исчезли из станицы. Было ясно, что ночью они ушли за Дон, к большевикам. Это событие произвело сильное впечатление в станице. Некоторые из стариков сгоряча требовали расправы с семьями сбежавших. Но военный совет, образовавшийся в первый же день восстания, решительно воспротивился этому, резонно полагая, что подобная мера только ожесточит остальных фронтовиков. Последние держали себя весьма

загадочно. На сборе стояли отдельной кучкой, затерявшейся среди толпы съехавшихся хуторян и молча слушали, иронически улыбаясь, шум и крик взбудораженных стариков. По закрытии сбора быстро, не вступая ни с кем в разговоры, разошлись по домам... Говорили потом, что ночью, будто-бы, была у них сходня, что порешили они на ней не подчиняться решению сбора о мобилизации оружия и винтовки и патроны - не сдавать, а в крайнем случае - уйти, подобно первым трем беглецам, за Дон... Но эти разговоры, однако, не подтвердились. Мобилизованные и не мобилизованные фронтовики, не очень рьяно, как бы нехотя, образовали все же конную сотню, немедленно и начавшую службу по охране станицы. Службой этой военный совет был доволен - все приказания его исполнялись аккуратно и точно. Почти у всех зародилась и с каждым днем крепла надежда, что дело, в конце концов, наладится. Фронтовики, постепенно втянувшись в военную работу, осознают всю важность обстановки и в решительную минуту не пойдут против всей станицы. Вот этой-то решительной минуты и ждал начальник станичной обороны - подесаул Колесов. Со дня на день могли начаться бои. Луга быстро просыхали, заставы были выдвинуты к самой Прорве. Ближайшей задачей для военного совета являлась незамедлительная переброска дружины за Прорву и занятия всего, лежащего против станицы, правого берега Дона. Только при таком условии безопасность станицы была бы основательно обеспечена. Но чтобы дойти до Дона, надо было, во всю ширину, на протяжении четырех с лишним верст, пересечь войсковой лес. Трудно было предположить, чтобы красные, занимавшие все левобережные задонские хутора, не попытались именно здесь, в лесу, имея перед собой естественный опорный рубеж в виде широкой Прорвы, оказать сопротивление продвигавшейся станичной дружине. Так или иначе, на берегах ли Прорвы или в лесу, столкновение было неизбежным. И от этого столкновения зависело многое, если не все, для успешной защиты станицы. Сразу определилась бы степень сопротивляемости красных и, вместе с тем, боеспособность самих восставших казаков. Мало того, - и об этом больше всего беспокоился подесаул Колесов, - выяснилась бы немедленно судьба не очень устойчивого, скорей даже хрупкого равновесия сил, установившегося в станице между старым и молодым поколением. Устоят, не зашатается фронтовики - дело можно будет считать заранее выигранным. Тогда красные все равно будут отброшены за Дон и, таким образом, до выяснения общей повстанческой обстановки, военный совет свой, ограниченную, единственно-возможную для него, в данных условиях, военную задачу выполнить... Заколеблются фронтовики и, не дай Бог, перемахнут на сторону большевиков, тогда... тогда не только окажется трудным отстоять от красных станицу, но и все дело противобольшевистской борьбы, загоревшейся на юге, по логике вещей, могло оказаться случайной вспышкой, обреченной на верную, скорую и полную неудачу. Подесаул Колесов не строил себе иллюзий на этот счет. И в своей работе по организации станичной обороны всячески избегал всего, что могло бы задеть самолюбие фронтовиков. Недостаток офицеров вынудил его, в обеих сотнях дружины, назначить взводными командирами урядников. Последних было много, чуть не все фронтовики были георгиевскими кавалерами и среди них не мало окончивших в свое время урядничьи курсы. Подесаул попросил казаков самим избрать себе и взводных урядников. Несомненно, эта уступка подесаула "выборному началу" пришлась по душе всем без исключения фронтовикам, без долгих разговоров выдвинувшим из своей среды на командные посты достойных, с их точки зрения, урядников. Не одобрили этой меры только майор - Иван

Александрович да почему-то Данил Трофимыч, доказывавшие на очередном заседании военного совета весь вред, какой принесло выборное начало в военном деле за время революции... Некоторую консервативность взглядов подбесаул Колесов обнаружил и у командира пешей сотни - хорунжего Машкина, высказавшегося в том смысле, что надо осторожно поступаться офицерскими правами, "иначе может наступить анархия"... Большинство членов совета, однако, безоговорочно поддержало подбесаула, как по вопросу о "выборном начале", так и о сформировании отдельного "молодого" взвода из парней. Последнему обстоятельству подбесаул был особенно рад. Порыв и жертвенность в начавшейся войне являлись незаменимым моральным капиталом, имевшим в его глазах большую ценность, нежели даже обилие материальных средств для её ведения. И необдуманная растрата этого капитала, путем применения мер, могших сорвать порыв и сделать невозможной жертвенность, равносильно было для него сознательному отказу от конечного успеха. Еще более обрадовался он, когда вопреки ожиданию, майор Иван Александрович, склонный все дела решать по старинке, сам вдруг предложил:

- Сформируем из ребят взвод, а там посмотрим. Время терпит, боев еще нет. Пока суть да дело, ребят можно вымуштровать.

- Назначим им временно взводным урядником Чурилина Тараса Ивановича, - сказал, не скрывая своего удовольствия, подбесаул Колесов. Этот живо их натаскает. Кстати, взвод его целиком из фронтовиков и пока может обойтись без него. А в случае неустойки - рассортируем ребят по другим взводам.

На том и порешили. В первые по восстанию недели, когда охранная службы в станице всецело лежала на конной сотне, урядник Чурилин поработал на славу. Его "сосунки" с великой охотой и неугасимым внешним жаром выполняли все его властные, сухие, отрывистые команды и скоро в строевом отношении, могли поспорить с любым из остальных взводов. Они так ловко перестраивались, так тянулись, замирая, по команде "смирно", что глядя на них, бывалые казаки невольно усмехались и одобрительно покачивали головами. Оставалось испытать их в бою и все, в особенности военный совет, этого неизбежного боевого крещения ждали, втайне надеясь, что не долгая, но основательная военная муштра, пройденная ими под руководством опытного боевого урядника, принесет свои плоды...

Герман Минаич с винтовкой в правой руке, левой придерживая неизменную шашку, громыхавшую по ступенькам, портупей коей перекрещивалась на груди с патронташем, что невольно бросалось в глаза, так как ни у кого больше не было, с распушенной темно-серой, заметно поседевшей во время недавней болезни, бородой, с "ерапланом" на голове - так прозвали неистощимые на остроумия парни его фуражку с необычайно высоким верхом и острыми, на старый манер, полями - медленно спускался с правленского крыльца, хмуро поглядывая на своих беззаботных одновзводников, все время щеривших, в веселых ухмылках, зубы. Он был сильно не в духе. И не только сегодня, в это чудесное майское утро. Все четыре дня, проведенные им с парнями на заставе и в станице, были для него настоящим мучением. Он никак не мог понять - чему все время смеются и радуются эти "парнишки"?..

... "Видать - по глупости", - решил он про себя... Не понимают, что настало время, когда все шуточки надо было забыть - и не до смешков тут, ведь всему Дону грозит "смертная" опасность, когда не ныне - завтра, - а может и сейчас, как только взвод сменит заставу, - придется сразиться с "красноголовцами", атаковавшими свободное казачество и

"силом" вводившими свою "проялтую комуну" - чтоб её задавило горами!... А им хоть бы что... смалет зубы и горя мало... "Вчерась" у Черепашки, в заставе, затеяли играть в "мала-кучу"... Насилу он, Герман Минаич, прекратил такое безобразие, прикрикнул на них, сильно при этом осерчав... Подействовало, послушались, перестали... А-вись, надумали же играть! Чистые дети! И это на посту, во время исполнения, так сказать, служебных обязанностей! Прямо - беда, право слово-беда... Нет, тут он, Герман Минаич, понес, кажись, ядреную ошибку... Угрозидило же его послушаться Ленида Матвейча и уйти из первого взвода, где народ был сурьезный и где он, Герман Минаич, всегда стоял на правом фланге... Оно, положим, и тут, в четвертом, он тоже стоит на правом фланге, - где-ж ему, по его-то годам, стоять иначе?... да толку-то от этого! Вояки-то какие, чего с них спросишь, вить-дети еще, им бы все "игрушки играть"... И все через Ленида Матвейча. Оно, конечно, Ленид Матвейч, славный паренек... Вся "германскую", когда он приезжал из Черкаска на побывку из школы, не было дня, чтобы он не заходил к нему, Герману Минаичу, "погутарить о войне". Благодаря ему он, Герман Минаич, знал все военные новости, не хуже майоров - Ивана Афиногеныча - покойника, царство ему небесное! - и Ивана Александровича - ныне здравствующего, получавших газеты и споривших всегда чуть не до драки - смеху в станице было! - кто победит - русский царь или царь германский? Иван Афиногеныч - покойник все сомневался насчет России, говорил, что у германцев-де порядку больше, что германцы - народ твердый и храбрый, вроде казаков, что наши генералы насупротив германских будут послабей, что получится, в конечном счете, как в "японскую" мужики забунтуют и их опять придется усмирять... Иван же Александрович, наоборот, слышать ничего не хотел. На все резоны Ивана Афиногеныча он только стучал кулаком по столу да резко так - голос-то у него труба! - на всю улицу слышно было, шумел: "Знать не знаю, ведать не ведаю! Этого, говорит, быть не может! Разобьем мы в пух и прах германцев! Одни казаки с ними справятся. Не бывать тому, чтобы какие-то германцы победили Россию! Не желаю!"... Смеху было... Из майоров Иван Афиногеныч - покойник, вышло, правильно понимал дело. Все получилось так, как он говорил: вся Россия взбунтовалась, арестовали царя, большевики объявили "комуну" и пошли отбирать землю у казаков... А вот в одном "обои" майоры промахнулись - и Иван Александрович и Иван Афиногеныч - покойник - это насчет, выходит, своих же казаков... Слов нет, храбрость свою они показали - один Козьма Кречков чего стоит, на "папироски" попал... А вот германцев все-ж не покорили, хоть все с крестами повозвратились... и сами под конец "усумнились" духом, "нейтралитет" выдумали... это когда всего нужней Дон защищать надо было... До чего дошло - к злейшим врагам своим переметываться начали, против всего казачества пошли, славу и честь казачью потеряли, Дон мужикам отдали... Какой позор для станицы - урядник и два приказных в "красноголовцам" подались! Вот тебе и кавалер! Верь после этого им... Этак, чего доброго, и других за собой потянут... А в Черкасском что было зимой! Рассказал ему, Герману Минаичу, обо всем Ленид Матвейч, когда в заставе стояли, про измену великую-казачью... Как Голубов с Подтелковым набрали Сронтовиков - целую дивизию! - и с ними против своей же казачьей власти пошли... Генерал Каледин, видя такую измену, с великого горя руку на себя наложил - не смог перенести такого позора... Вместо него генерала Назарова в Войсковые назначили старики, Круг они держали в Черкасском... Как генерала Назарова застрелили, Богаевского Митрофан Петровича - в помочниках у

генерала Каледина ходил - тоже... А Ленид Матвееч у Чернецова-полковника служил. Насбирал Чернецов таких вот молоденьких казачат и пошел на Подтелкова с Голубовым... Под Лихой бой им дал - разгромил вдрезг, с учениками с одними. Под Дебальцевым сразились, Каменскую у них отвоевали... Ну, а потом, как говорится, сила соломой сломилась... Чернецов - полковник в плен попался, зарубали его, пришлось отступать. Ленид Матвееч у тетки в Черкасском хоронился, не успел уйти в "степя" с старшими братьями... А неделю назад - прибежал домой, на мельницу, к Матвею Ивановичу. Пожил "тридни", отдох трошки и в станиду подавался... Младшего урядника заслужил он у Чернецова - полковника... Его благородие - Иван Федорыч сильно ему обрадовался. "Вот-говорит - Ленид Матвееч, как хорошо выходить... Вить-Тарас-то Иваныч мне нужен сейчас - берите его взвод, молодые все парни в нем, командуйте им. И получится, говорит, все один к одному - что командир, что казаки, одна цена, одних лет". А Ленид Матвееч в ответ и говорит его благородию - Ивану Федорычу: "С великой душой, Иван Федорыч. Готов послужить родному Дону под вашим начальством. Только сделайте милость, пер-ведите в мой взвод Германа Минаича. Без него, говорит, не способно мне будет командовать взводом - всё, глядишь, совет какой подает, человек-то он сурьезный, вроде, как бы, говорит, за отца мне будет"... Ну, так и сделали... Он, Герман Иванович, как раз в правление с донесением из заставы пришел и, стало быть, при разговоре том был, все слышал. И когда его благородие - Иван Федорыч спросил, желает ли он идти в помощники Лениду Матвеечу, пришлось согласиться, не мог же отказать в такой просьбе... Вот с того дня и командует он с Ленид Матвеечем "сосунами"... Беспокойный народ, все время надобно надсматривать над ними... Покою нет... А не досмотришь - великая беда может приключиться... Ох, эти горе-казаки...

Когда хмурый и, как всегда, немного торжественный Герман Минаич, терзаемый сомнениями, вызванными переходом его во взвод "сосунков", гремя по ступенькам правленского крыльца ножнами шашки, сошел, наконец, на площадь, "сосунки" сами, без команды, покрикивая друг на друга выстроились посреди улицы, фронтом к правлению и выравнивались, вертя головами вправо и влево. По правилам военной службы, каждый из них равнялся на "грудь четвертого человека". Это вызвало не мало перебранок и насмешливых замечаний.

- Эй, Прохор, подбери пузу! Выставил её, грудей не видно!
- Сам не вылазь! Вертисси, как ужак, какому наступили на хвост!
- Без замечаний, п-жалуста!
- Чертыка грудастый! Заслонил всё. Церкву не видно!
- Васька! Васька! Подайся чудок назад!

Герман Минаич, не торопясь, стал на правый фланг первой шеренги рядом с богатырски сложенным, краснолицым и конопатым, с огненно-рыжими "висками", выбивавшимися из под старенькой фуражки, с маленькими голубыми глазками, застрявшими где-то в провалах между выдающимися вперед скулами и нахлестом черепной коробки, усеянным густыми, белесыми, выжженными солнцем, бровями, добродушным и простоватым парнем - Федором Кандауровым. И сейчас же всюду слышимый тенорок Ильяши-Цыганка не громко скомандовал: "Взвод, смирно! Глаза напра-аво! На бороду Минаича... равняйся!"

- Ха-ха-ха!
- Го-го-го!

Герман Минаич гневно пыркнул и сердито зажевал губами, отчего борода его заходила из стороны в сторону. Он собирался прикрикнуть

на зубоскалов, но внимание его отвлекло происходившее на правленском крыльце.

Перед начальником станичной обороны, вытянувшись в струнку, стоял молодой казачек и внимательно слушал, что ему говорил подъесаул. Казачек был Леонид Туркин, младший урядник из Чернецовского партизанского отряда, на днях прибывший в станицу и получивший в командование "молодой" взвод. Это он перетянул Германа Минаича из первого взвода и сейчас, как взводный урядник, выслушивал последние наставления начальника обороны перед выходом на позиции. Туркин, в отличие от казаков своего взвода, был одет щеголевато. Гимназические, хорошо синего сукна, с широкими красными лампасами, бржки вобранны были в офицерские шевровые сапоги, унаследованные им от старшего брата-офицера, приезжавшего еще во время германской войны на побывку с фронта; гимназическая же, ловко пригнанная форменная тужурка, огоясанная широким ременным поясом, с револьверной кобурой справа; патронташ перекрешивался на груди с револьверным ременным шнуром; на плечах вшиты были новенькие синие, с красной, по краям, обшивкой, погоны, с двумя поперечными белыми лычками - знаком отличия младшего урядника; на коротко остриженной голове фуражка гимназиста, вместо училищного герба имевшая новенькую казачью кокарду. Лицом Туркин был смугл, горбонос, с большими темно-карими, слегка маслянистыми, казавшимися влажными глазами. Было во всем облике Туркина нечто восточное. Да иначе и быть не могло - прадед его, чистокровный турок, во время войны был захвачен в плен и усыновлен командиром казачьего полка... Держа в левой руке винтовку, правую вытянув по шву, он внимательно слушал подъесаула Колесова. Потом отчетливо козырнул, вскинул винтовочный ремень на плечо, - очевидно, разговор окончился, - в два приема повернулся направо и сбежал к замолкнувшему выстроившемуся взводу.

- Взвод, - левуче, ломающимся юношеским баском, командовал Туркин, став перед фронтом. - Направо...равня-йсь!

Парни, как один, повернули головы направо, где, на фланге, замер Герман Минаич - к нему, как правобланговому, команда не относилась. От большого усердия он слишком закинул назад голову, отчего борода его торчала под косым углом к земле, заметно выдаваясь вперед... Парни, выходило, равнялись, как недавно в шутку командовал Илюшка Цыганок, на его бороду... Очевидно, об этом думали и сами парни первой шеренги.

Ефим Рассказов кривил в улыбке губы, еле сдерживаясь от смеха, а черный, как жук, Илюшка Цыганок - высокий, стройный красавец, с выбивающимся вихром смоляных, от природы кудрявых, как у молодого барашка, завитых волос, откровенно беззвучно хохотал, обнажая белую кипень зубов.

- Смирно!

- Направо! - командовал Туркин.

Раз-два! - топнули сорок пар чириков.

- Ряды-ы...здой!

Раз-два-три!... глухо шаркнули по земле чирики.

- Винтовки...напле...чо!

Зазвякали кольца винтовочных ремней, захлопали ладони по лолам и через короткий миг на стволах винтовок, легших на плечи парней, матово заиграли солнечные зайчики.

- Взвод, - ломающимся баском пел Туркин. В юношеском, не установившемся еще голосе молодого урядника звучал настоящий командный металл...-шагом...арш!

Передние ряды сразу пошли полным шагом. Задние топтались на месте и по мере того, как приходил их черед, ловили момент, и, по учебному, с левой ноги, сохраняя положенную дистанцию, следовали за впереди идущими рядами.

- Раз-два! Раз-два! Раз-два-три-четыре! - отбивая такт рукой Туркин и забежав наперед вытянувшейся колонны, обернувшись к ней лицом, крикнул:

- Разбойничка!

Звонкий, приятный тенорок Илюшки Цыганка тотчас же завел:

Среди лесов дремучих - Разбойнички идут

И на руках могучих - Товарища несут.

Туркин взмахнул рукой и весь взвод, как по команде, ребячески чистыми голосами, подхватил:

Лишь тучки - тучки понависли

И в поле па-ал туман,

Скажи о чем заду-умал,

Скажи, наш атаман.

Глухо отбивая такт, стройными рядами по четыре, маршировал, пересекая площадь, взвод молодых казаков. За ним негустым облачком стлалась пыль, сверкало отблестками солнце на винтовочных стволах, мелькали внизу, в одновременном переносе шагающих ног, шерстяные чулки, издали похожие на белые матросские гетры проходящего церемониальным маршем морского экипажа.

- Запылила наша пехота, - усмехнулся Данил Трофимыч, стоявший на крыльце правления вместе с подьесаулом Колесовым. - А здорово шагают, ечки их в корень! Чисто на параде!

- Туркин молодец, - похвалил подьесаул. - Во время приехал. Ему самое к месту командовать парнями.

- Ох, што-то оно будет... - вздохнул Данил Трофимыч. - Сейчас всё хорошо, песни играют... А как зачнется...

- Ничего не поделаешь, - неопределенно махнул рукой подьесаул. - Жалко ребят, а без них не обойтись. Каша заваривается густо... Кажется, всем придется хлебнуть...

Песня окончательно разбудила и оживила площадь. Захлопали калитки, повыходили со дворов, с платками на головах старые и молодые казачки, растапливавшие печи. Они приставляли к глазам, чтобы лучше видеть, сложенные лодочками ладони и застывши, неподвижно смотрели на проходивший мимо взвод, где были их "ненаглядные чадунышки", "брательники", женихи... О чем думали казачки, пропуская мимо себя стройно шагавших парней, чем полны были их любвеобильные сердца, когда они слушали дружно исполняемую песню о лихом, тяжело раненом, разбойничке, на носилках несомом своими товарищами". Бог весть. Было тут, должно быть, всё: и невольная гордость за бравый вид юных бойцов, и щемящая тоска при мысли о возможной их гибели, и потаенная надежда, что всё это не в "сурьез"; что это временная игра в солдатики, которая скоро окончится и все станет по-прежнему - спокойно и тихо... С двух-трех дворов выскочили заспанные малыши-казачата. Протирая на ходу глаза, поддерживая спадавшие штанишки, они, сверкая голыми пятками, помчались за взводом, поворачивавшим в проулок, выходящий на луг. До правленья, приглушенный расстоянием, доносился голос Цыганка:

Носилки не простые - Из ружьев сло-ожены,

А поперек стальные - Мечи положены...

И ему отвечал дружный, хорошо спевшийся хор сорока молодых певцов :

Лишь тучки - тучки понависли
И в поле па-ал туман,
Скажи о чем заду-умал,
Скажи, наш атаман.

На рысях, догоняя взвод, протрусили трое конных - связные казаки, на их обязанности лежала доставка донесений с заставы военному совету.

У Ерика, соединявшего Горелое с Белой Глиной, взводу пришлось остановиться - надо было снимать чирки с чулками и засучивать выше колен шаровары, чтобы не намокнуть. Ерик был не глубокий, всего по колено, но по весеннему широк, саженой пять-шесть. Подоспевшие конные перевезли Туркина, остальные, со смехом и шутками, перебрали Ерик и усевшись на песке луговой стороны, обувались.

- Прижмут товарищи - в чирках перемахнем, - смеялся Копняев Игнат, с тонкими чертами лица казачёк, загорелый, с подналенными солнцем светлыми волосами. Голубые глаза его смеялись, наблюдая за Германом Минаичем, все еще не подготовившимся к переправе и неторопливо засучивавшим шаровары на станичном берегу.

- Минаич, - крикнул он старику. - Зачем ты разулся? Поставил бы чирки на воду и плыл-бы, как на баркасах...

- А шашка у тебя вроде бабайки-б была! - сейчас же подхватил шутку Кирилл Щелкунов - по уличному Кирюшка Шшалкун. - Для другова чево она вряд пригодится.

- Я вот вас, паршивцы! - грозил им пальцем Герман Минаич. Погодите трошки, переправлюсь - я вам всыплю шонполов-то...

Быстро построились и уже без песен пошли, взяв направление на Первый Тополь, одиноко росший среди поемного луга. Верстах в двух сзади него, невысокой издали, темно-зеленой игольчатой сплошной стеной стоял войсковой лес, таинственный и жуткий, таивший в тени своих деревьев смертельную опасность, в виде вооруженных "красных гвардейцев", может быть зорко следивших за приближавшимся станичным отрядом.

Солнце начинало заметно пригревать. Над лугом, покрытом невысокой ярко-зеленой травой, испарялась выпавшая за ночь роса. Еще приметная глазом прозрачная пелена, как паутинно-тонкая кисея, висела над зеленым травяным ковром. Местами эта пелена была гуще - без ошибки можно было сказать, что там было озеро. Оттуда временами стремительно неслись стайки чирков, перелетавших с озера на озеро. Несколько раз, с грустным вопросом "чьи вы?" замывались над таковой сторожки чибисы. Высоко в небе трепетал, заливаясь пением, жаворонок. Над лесом, черными точками, маячили иногда грачи. А над самыми головами, на большой высоте, с застывшими распушенными крыльями, кружили коршуны... С каждым кругом они все ближе приближались к станице... И скоро там, на базах, расхохлившиеся, "взъерепененные" наседки, прищурив круглые зрачки на небо, взволнованным, гортанным клёкотом известят своих птенцов о надвигающейся над ними беде. Коршун редко лакомится цыпленком, мгновенно забивающимся в первую попавшую щёлку, как только услышит материнское предупреждение и сидящего там, попискивая, до тех пор, пока успокоившаяся наседка не подаст ему знака, что опасность прошла.

То ли от хорошей погоды, то ли от хорошо исполненных взводом песен - кроме "Разбойничка" взвод, с таким же успехом, успел сыграть еще "Взвейтесь соколы орлами", - но мрачное настроение Германа Минаича после переправы через гореловский ерик, рассеялось. "Сосуны" марширо-

вали ловко, еще "ловчей" играли песни... Авось и в бой окажутся молодцами, не осрамятся и не уронят казачью славу... От этих мыслей старик повеселел и с просветленным лицом осматривался по сторонам.

...Какую погоду-то нынче послал Господь... Как ласково греет солнышко... Какие чистые небеса - синие, синие и ни одного облачка... И тихо-то как кругом... Ежели не считать шарканья по траве чириков да негромкий говорок идущих сзади казаков, - никакого шума... Только жаворонок, Божья птичка, верещит где-то вверху, да иногда "издала" донесется вопрошающий вскрик потревоженного чибирика... А травка-то как поднялась! К Петрову дню, когда трясти паша придет время, по пояс будет... Вот наворачочают прикладов казаки!...

На этом месте спокойные размышления Германа Минаича прервались. Он вспомнил вдруг кто он и куда идет; вспомнил, что на том "боку" Дона находятся "красноголовцы", непримиримые враги казаков, объявившие им войну; что они, быть может, не дадут казакам не только "наворачочать" прикладов лугового или "стенного" сена, но и их самих "изничтожат"... Он сердито зажевал губами и снова помрачнел. Взгляд его невольно устремился к темневшему впереди лесу. Всмотревшись прищуренными глазами, он заметил далеко впереди, под самой опушкой, несколько маленьких людских фигурок. Они не стояли на одном месте. Вот одна двинулась и сейчас же остановилась... К ней скоро подошли еще две...

- Ленид Матвейч, это наши? - спросил Герман Минаич Туркина, указывая на лес.

- Наши, наши, - ответил Туркин. - Это казаки второго взвода, мы их сменим сейчас. Скоро, - продолжал он, - к Дону продвинемся.

- Скорей бы, - вздохнул Герман Минаич и снова, прищурив глаза, начал всматриваться в таинственный манивший его к себе лес.

Вот виден, как на ладони и Первый Тополь. Внизу копошатся люди, тянется дымок от костра, пасутся поблизости стреноженные оседланные лошади связанных казаков.

- Как сменим - пошли меня к Черепашке, Ленид Матвейч, - попросил Герман Минаич. - Дорогу оттуда до самой Прорвы видать. В случае чего - мент доложу. Надейся, этого не беспокойся.

- Ладно, Герман Минаич, - охотно согласился Туркин. - Ты будешь караульным начальником. Построже держи ребят, не давай им баловаться, с легкой усмешкой, не замеченной стариком, добавил он. - Особенно наблюдай, чтобы зря не стреляли, патроны у нас считанные.

- Будь покоен, - важно пообещал Герман Минаич. - Я им попришамлю хвосты-то. А ежели кто пультнет зазря - в белый свет, шонпола отпробует.

Туркин рассмеялся.

- Ты, Герман Минаич, не даже прижимай ребят, - посоветовал он, - а то разбегутся еще... Без войска вернемся с тобой в станицу.

Смена производилась быстро. Туркин назначил двенадцать казаков в три караула, выставляемых взводом и вместе с урядником Зориним, - из второочередных, командовавшим пешими фронтовиками старших возрастов, пошел сменять посты. Первым, с тремя подчиненными ему "сосунками", устроился "на позиции" Герман Минаич. Он удобно расположился под невысоким дубком на крутом берегу маленького, успевшего, несмотря на весну, зарости травой, озера Черепашки, приказав одному из парней взобраться на дерево и наблюдать за опушкой войскового леса, густо темневшего за Прорвой, а сам, приложив обе ладони к козырьку своего "ереплана", сторожким взором принялся осматривать лежащую впереди местность.

Тридцать человек - ядро взвода - расположились у Первого Тополя. Винтовки были аккуратно, в ряд, положены на траву. Казаки расселись в тени дерева, курили, перекидывались короткими фразами. Туркин выдал каждому из них по две дополнительных обоймы патронов из постоянно находившихся в заставе двух цинковых, казенного образца, коробок. Для наблюдения за лугом и караулами он выслал вперед, на гребень невысокого бугорка, мешавшего видеть лес, Ефима Рассказова, своего "дружка" и Демьяна Рогачева, строго наказав им немедленно сообщать обо всем подозрительном, замеченном ими. Трое связанных казаков, разнуздав и отпустив коням подпруги, на длинных чумбурах, по очереди, пасли их, спустившись в совершенно скрывавшую их балку, у самого берега Хрестиной Ямы. Время незаметно протекало в рассказах о войне. Казаки из конной сотни, проводившие всю "немецкую" в Баклановском полку, вспоминали прошлое. Туркин поделился своими впечатлениями о трагических зимних событиях под Новочеркасском. Молодые казаки жадно слушали, не смея перебить рассказчиков. Солнце стояло уже в полдень, казаки, не спеша, собирались завтракать. Антошка Пискунов, прозванный Пискулем за тонкий, детский голос, мешавший под яром, на берегу Стенькина Моста, кашу в казанке, тоненьким голоском пропичал, что каша поспела... И в этот самый момент все увидели быстро бежавшего от бугра, где он лежал, наблюдая луг, Ефима. Еще не добежав до заставы, он придушенно крикнул:

- У Германа Минаича штой-то случилось!

- Что такое?

С винтовкой в левой руке, правой закидывая назад растрепавшиеся светло-каштановые волосы, с горящим румянцем щеками худощавого красивого лица, торопясь, Ефим рассказывал:

- Смотрю я, а они все, как гусаки, стоят за тополем... Потом Минаич пригнулся и замахал над ерапланом... Заметили...

- В ружье! - коротко скомандовал Туркин.

Парни вскочили, разбирая винтовки. Связанные бросились к коням, обративать их, подтягивать подпруги.

- Дождитесь тут, я сейчас. Пойдем, Ефим!

Туркин и Ефим, пригнувшись, быстро побежали к бугорку. По сторону его, сняв фуражку и приподняв слегка голову, лежал, наблюдая за происходящим на лугу, Демьян Рогачев.

- Ну, что? - спросил его Туркин, ложась рядом.

- Минаич с караулом бежит сюда, - не поворачивая головы, отвечал Рогачев. - Во-он он, по куге сигает, чисто чапура, - указывал он.

В самом деле, по поросшей кугой ложине быстро бежали четыре человека.

- Сейчас в ложину спустятся, не видно будет, - докладывал Рогачев.

- А красных не видал?

- Не... дубняк мешает. Это Минаичу с тополя все видать было.

- Ну, подождем его самого, - решил Туркин.

Вскоре из ложины показался Минаич и трое парней, бывших с ним в карауле. Пригибаясь, они торопливо направлялись к Первому Тополю. Туркин свистнул и помаhal им фуражкой.

- В чем дело, Минаич? - спросил Туркин подбежавшего к нему стариковской рысцой, запыхавшегося Германа Минаича, видимо, сильно упревшего в своей "амунии" - пот градом катился у него со лба по щекам, теряясь в растрепанной от бега бороде.

- Красноголовцы идут, господин взводный! - торжественно и по служебному официально доложил Герман Минаич.

- Где они?

- Сейчас, должно, на этом боку Прорвы. Их вот Васятка с тополя заметил, - указывая на одного из своих парней - Василия Иласова, докладывал Герман Минаич. - Они еще на том боку были... Человек с тридцать, аль поболее...

- Молодец, казак Талаев! - тоже официально, стараясь не рассмеяться, похвалил Туркин.

- Рад стараться, господин взводный! - гаркнул в ответ Герман Минаич и расправляя бороду, сказал, улыбаясь: - Надо хорошенечко встретить гостей.

- Вот сейчас обдумаем, как их надо встретить! - весело произнес Туркин и всего на минуту задумался, нахмурив брови.

- Ефим! - сказал он, поднимаясь, - беги к конным и скажи, чтобы один из них дул в станицы с словесным донесением... Заметили-мол у Прорвы около тридцати красногвардейцев. Постой! - остановил он повернувшегося Ефима. - Скажи Андрею Резникову, чтобы берегом Никольского смотался на второй караул. А со второго - пусть предупредят третий. Валей!

Ефим помчался к Тополю, а Туркин с остальными казаками приехали сзади продолжавшего наблюдать луг Резникова.

- Вот что, Минаич, - обратился Туркин к заметно взволнованному старику. - Давай сейчас приготовим гостиницу товарищам. Мы разделимся. Я останусь тут с восемнадцатью казаками, а ты с остальными, - у тебя будет пятнадцать человек, - пойдешь вправо, на дорогу, что идет от Черепашки в станицу. Куда бы они не шли - красные не минуют одного из нас. Я думаю, они пойдут на Первый Тополю, значит, на меня. Если ты услышишь залп - вставай и беги с ребятами в атаку, наперерез... Мы в это время тоже атакуем красных... Если же они, почему либо, свернут с прямого пути и пойдут на тебя, подпусти их как можно ближе - саженой, скажем, на сто. И только тогда давай по ним залп. Я аойму, что ты идешь в атаку и кинусь с ребятами с фланга. Словом, будем выручать друг друга. Только уговор - строго-на-строго запрети ребятам стрелять без команды. Пусть красные хоть из пушек бьют - не могли стрелять. Сам знаешь - у нас всего по три обоймы патронов и их надо беречь. Итак, понял? Подпустить как можно ближе красных, не стреляя в них, дать по ним залп, когда они подойдут совсем близко и кидаться сейчас же в атаку.

- Всё понял! - с горячностью вскричал Герман Минаич и глаза его сверкнули. - Всипем мы нонче красноголовцам! Ей-ей, всипем!

- Ну, это потом увидим, - засмеялся Туркин и видя, что Герман Минаич собирается подняться, сказал: - погоди Минаич, полежи еще с минутку. Забыли мы уговориться еще об одном: что - как красные пойдут промеж нас? Как тогда быть?

- Не пойдут, - возразил Герман Минаич. - Все равно-виль, заметят они нас. А раз заметят - не полезут они посередине.

- Пожалуй, ты прав, - согласился Туркин. - Но, на всякий случай, давай уговоримся. Если товарищи все-таки пойдут ложиной, хоть там и сухо, то ты открывай по ним стрельбу, когда они подойдут во-он до того бугра - видишь? Это и от тебя и от меня будет сажень двести. Ближе подпускать их никак нельзя, иначе мы перестреляем друг друга. Понял всё, Минаич? Ну, пойдём сейчас разбивать взвод. Ты со своей половиной постарайся незаметно добраться до дороги и залегай там цепью. Там есть ямы, прошлый год летом возили оттуда песок... вот в этих ямах и укрепляйся.

Туркин, Герман Минаич и трое парней из караула последнего, - кроме Ефима, передававшего приказание и по возвращении занявшего место около Демьяна Рогачева, - пригнувшись, заспешили к Первому То - полю, где их с нетерпением ожидал взвод. Кратко объяснив казакам обстановку, Туркин отправил полувзвод во главе с Германом Минаичем, а своему полувзводу, указав на бугорок, где лежали наблюдатели, сказал:

- Как только Ефим подаст знак - мы рассыпемся сзади него в цепь и будем ждать. Без команды не стрелять. Знайте, все дело может пропасть если кто из вас прежде времени откроет стрельбу.

Молодые казаки, впервые готовившиеся вступить в настоящий бой, были взволнованы. На лицах некоторых из них видна была явная растерянность. Андрей Резников, только что вернувшийся со второго караула куда его послал Туркин, застыл на месте и был бледен. Плотнo сжав губы, он обеими руками держался за ствол винтовки, опираясь на нее, как на костыль... Точь-в-точь, как на заре у правленского крыльца, когда стоял на часах, слушая соловьев... Шукин Павел облизывал пересохшие вдруг губы, топтался на месте и неопределенно, как бы виновато, улыбался... Глаза всех, устремленные на бугор с лежавшими на нем дозорными, лихорадочно горели, но наряду с беспокойством светилось в них непреодолимое, жадное любопытство. Всем хотелось, как можно скорей, увидеть неприятеля. Один Федор Кандауров невозмутимо, ничем не выражая своих переживаний, смотрел на все маленькими голубыми глазками и не спеша дожидывал каньш, незадолго перед тем извлеченный из сумки. От всей его богатырской фигуры веяло уверенностью в своей силе и редким спокойствием.

Ждать пришлось недолго. Ефим вдруг отполз назад и замахал рукой.

- В цепь! - негромко скомандовал Туркин.

Парни, ружья на перевес, рассыпались длинной цепочкой.

- Вперед! Махну рукой - ложись!

Туркин дошел до бугра и осторожно подполз к Рогачеву. Полуобернувшись, он знаком положил цепь. Не видя ничего перед собой, он стал расспрашивать дозорного. Рогачев поспешно зашептал:

- Сперва трое вышли, во-он из тех дубняков... Посмотрели и подались назад... Один в красном мундире... как маков цвет... двое черных... Опосля - вышли двое и тоже схоронились... Высматривают...

- Вон они! Вон они! - лихорадочно зашептал Рогачев, не отрывая глаз от леса, - Смотри, Ленид Матвееч, туда, туда... левой! Один, два, три, четыре... Идут!

- Вижу, - почему-то тоже шопотом ответил Туркин и внимательно посмотрел направо - успел ли Минаич занять позиции? Лицо его просияло. В версте от него, на едва заметном бугорке, он заметил то поднимавшуюся, то опускавшуюся точку - то был наблюдатель Минаичева полувзвода. Туркин больше не думал о нем. Все внимание его обратилось на то, что происходило впереди. А там происходили любопытные вещи. Из дубняка, один за другим, высыпали "товарищи". Без особой спешки они рассыпались по лугу, на ходу выравнивались и редкой цепью тронулись вперед. Теперь они были все на виду. Демьян Рогачев, лихорадочно блестя глазами, беззвучно шевелил губами - считал красных.

- Двадцать два казака! - сказал он. - Больше нету.

- Может это не казаки, - возразил Туркин. - Это скорей царцынские рабочие.

- Нее, Ленид Матвееч, это казаки. Я уж вижу, - уверенно проговорил Рогачев. - Чево это они в красное обрядились? Смотри, половина в красных мундирах.

- В рубашках, - поправил Туркин. - Должно быть для того, чтобы знали, что идет красное войско.

В самом деле, около половины медленно продвигавшейся красногвардейской цепи была одета в яркие кумачевые рубашки, походившие издали на тихо колеблющиеся головки мака, неожиданно распустившиеся среди зеленой, до колена высокой, травы.

Неприятельская цепь, державшая направление на ложину, вдруг остановилась и пошла затем, загибая правым флангом, прямо на Первый Тополь.

- К нам, - сказал Туркин.

Расстояние между цепью и Первым Тополем быстро сокращалось и было уже меньше версты. Ясно можно было различить винтовки, висевшие на плечах красногвардейцев и повороты направо и налево их голов, в большинстве покрытых фуражками с высокими полями.

- Да, это казаки, - с сожалением сказал Туркин. - Не наши ли старичники?

Цепь вдруг остановилась.

- Что такое? Уж не собираются ли повернуть? - забеспокоился Туркин.

- Нет. Всмотревшись, Туркин увидал, что красные снимали с плеч винтовки и держа их в руках, по охотничьи, дулом вниз, тронулись дальше.

- Заметили, - спокойно сказал Рогачев. - Сычас начнут стрелять.

Не успел он закончить, как над их головами просвистали, одна за другой, три пули.

Демьян Рогачев схватился с бугра к цепи, крича во всю глотку: "Ура, ребята! Проздравлять пришли товарищи! Держи-ись!"

Еще просвистало несколько пуль на большой высоте. Молодые казаки, втянув головы в плечи, схались, словно приготовились к прыжку. Слышны были негромкие хлопки винтовочных выстрелов. Туркин остался лежать на бугре. Через пять минут томительного ожидания, Туркин вдруг повернул голову и крикнул, не спуская с него глаз, парням:

- Приготовиться! Как крикну: взвод вперед! продвигайтесь наверх и приложитесь. Прицел постоянный. По команде: пли! стрелять залпом. И не гомозитесь там! - закричал он, увидев, что некоторые из парней то привставали, то припадали снова к земле.

Противник, не переставал постреливать, шел прямо на полувзвод Туркина, шел не спеша, сохраняя полное спокойствие. Рядом никуда триста-четыреста шагов отделяли его от бугорка, где лежал Туркин. Никакого сомнения теперь не оставалось - в наступавшей цепи было не мало казаков. Туркин ясно различал на некоторых красногвардейцах темные издали полосы лампасов на широких казачьих шароварах, лихо сбитые назад фуражки, с торчавшими из под них чубами, молодые, безбородые лица... Девятеро "товарищей" обрядились в красные рубахи, остальные были в зеленых военных гимнастерках...

- Взвод, вперед! - громко крикнул Туркин, оставаясь лежать.

Сзади него выросли восемнадцать фигур, целившихся из винтовок.

- Взвод, - певуче командовал Туркин. Выдержав короткую паузу, он резко оборвал:

-... пли!

- Трах-тах! - раздался залп.

Противник, не ожидавший такого приема, остановился. Туркин видел, что двое из красных упали.

- Урра! - крикнул он, вскакивая. - За мной, ребята! Ура-а!...

- Урра-а!.. - ринулись вперед молодые казаки. Впереди всех, держа наотмаше винтовку, красный как бурак, мчался Федор Кандауров. За ним, чуть поотстав, с искаженными лицами от застывших в кривых открытых ртов, поспешали Прохор Иценков и Пастухов Егор... Красные, повернув вправо, быстро отходили, стараясь проскочить на дорогу, ведущую к Прорве. Но оттуда бежали на них казаки Минаичева полувзвода. Сам Герман Минаич бежал далеко позади, неистово махая фуражкой... Сбитые с толку одновременной атакой с двух сторон, красные повернули и без оглядки побежали назад по долине, торопясь добраться поскорей до дубняков. Как ни быстро мчались молодые казаки, но догнать отступавших красных они не смогли. Когда наиболее резвые из них подбежали к Прорве, они увидели на другой стороне ерика последних "товарищей", уходивших в лес и грозивших кулаками в сторону станицы.

Собрав свой полувзвод, запыхавшийся Туркин, бежавший почти не отставая от Федора Кандаурова, спросил у Цыганка:

- Подобрали раненых?

- Там Павло и Копняев Игнат... "Товарищи" - стародонские казаки. Одного Павло знает - Митька Чувашин, зять нашего Афанасия Кочетова.

- Знаю. Беги, Илья, к Тополю и позови обоих конных. А я берег Прорвы обследую.

Туркин подождал верховых.

- Подмога идет! - крикнул, подскакав, один из них.

- Трошки опоздала, - засмеялся Туркин. - Сами управились. Скажите, ребята, к подмоге, пусть подберет раненых. Да по дороге скажите Герману Минаичу, - видите он бежит? - чтоб не бежал зря, нечему ему торопиться, запыхается старик.

Подождал вскоре Герман Минаич. Еще издали он подкинул вверх свой "ерачлан" и не вытерпев, зарылся к Туркину.

- Ловко ты их, Ленид Матвееч, угостил! - закричал он, обливаясь потом, но счастливый и смеющийся. - Как задавали они лататы, карти-ина! - восхищенно вскричал он, бросая на траву фуражку. - Смотрю это я, а они побегли, да в нашу сторону. Стой, думаю, надо встретить гостей! Вставай, шумлю, ребята, на врагов-супостатов! Закричали ура, да на них... Сбили их, сразу в лошину подались... Ну и бегли, чисто зайцы!

- Все целы у тебя, Герман Минаич? - спросил Туркин, с улыбкой выслушав рассказ старика.

- Все, все. не изволь сомневаться. Вить, в нас они не стреляли. У тебя-то как?

- Бог миловал, ни одного не зацепили. А мы у них двух подранили.

- Да не может быть?

- Верное слово. Вон, видишь, второй взвод остановился? Это они над "товарищами".

- Дозволь мне, Ленид Матвееч, сбегать туда, - попросился Герман Минаич. - Гребнется мне поглядеть, какие они из себе красноголовцы.

- Сыпь, Минаич. И скажи, кстати, конному, чтобы приехал сюда - надо послать донесение.

В это время как раз подскакал конный.

- Взводного к начальнику отряда, он со вторым взводом! - крикнул он.

Назначив своим заместителем Ефима, Туркин направился к стоявшему вдалеке, над ранеными красногвардейцами, резервному взводу, высланному на подмогу "сосункам". Когда он подходил, от взвода отделилась группа казаков, человек в десять, направившаяся к станице, - уносили

раненых.

Подъесаул весело приветствовал Туркина.

- Здравствуй, герой,- сказал он улыбаясь и протягивая руку.

- Здравия желаю, Иван Федорович!

- От имени военного совета поздравляю вас, Леонид Матвеевич, с званием старшего урядника.

- Покорно благодарю, господин есаул!- обрадованно произнес Туркин. - Считаю, что благодаря лихости всего взвода и удалось это дело. Хорошие ребята у меня во взводе.

- И их поблагодарим,- улыбался, видимо, очень довольный подъесаул. Расскажите-ка, что тут произошло у вас. Мне Герман Минаич уже рассказывал, да я, признаться, ничего не понял. Смеется и плачет... и от радости старик так взволнован, что ничего толком сказать не может. Ерой, говорит, Леонид Матвеевич! Ежели бы не он - ничего бы не сделали.. Только и удалось выпытать у него.

Туркин вкратце рассказал обо всем. Потом все - подъесаул Колесов, Туркин, Герман Минаич и казаки второго взвода,- направились к Прорве. Подъесаул приказал обоим взводам на ночь оставаться на берегу, поручив командование полусотней уряднику Зорину, как старшему из командиров взводов. Полусотня, выставив посты, обосновалась у Черепашки.

Туркин расспросил о раненых красногвардейцах. Он видел их мельком, когда пробежал мимо. Оба оказались Стародонцами. Станичников в рядах нападавших не было. Но все они были в хуторе и вошли, как мобилизованные, в Стародонский хуторской отряд красных добровольцев. Всем верховодил в хуторе товарищ Дзюба - матрос Балтийского флота, начальник отряда красной гвардии, сплошь состоявшего из рабочих паричинского "французского" завода и стоявшего в Стародонском с зимы прошлого года. Девять гвардейцев этого отряда, приняли участие в наступлении на станицу, обрядившись в красные рубахи. Ранены красные казаки были серьезно. Один в обе ноги, с раздроблением костей, второй - в грудь, навывлет.

Игнат Копняев, перевязывавший раненых, уверял, что они не выживут.

- Митька все за груди хватался,- рассказывал Игнат.- И все хрипел: будьте вы прокляты, хамы проклятые!

- Это он на ково же так?- насторожился Герман Минаич, сидевший у костра и счастливым взором окидывавший всех.

- На красных,- сказал Павел Жукин, помогавший Игнату перевязывать. - Соблазнили, говорит, хамы проклятые, а теперича помирать приходится...

В станице тем временем, к училищному двору, сбежалось множество народу посмотреть на раненых "изменщиков"- "красных казаков", вместе с большевиками посмевших атаковать станицу. Павлу Петровичу, уложившему раненых на полу училищного класса, с трудом удалось выпроводить во двор напиравшую толпу любопытных.

В станичном правлении экстренно заседал военный совет, постановивший:

1. Вольноопределяющегося - младшего урядника Туркина, за геройское командование взводом во время нападения на него красногвардейцев, произвести в звание старшего урядника.

2. Казака Талаева Германа Минаевича, атаковавшего с вверенным ему полувзводом казаков красную цепь и помогшего опрокинуть её, наградить званием приказного.

3. Четвертый взвод пешей станичной сотни, по смене его с позиции, поблагодарить на площади перед станичным правлением, в присутствии всех свободных от работ граждан станицы, за героизм, проявленное им под командой урядника Туркина. Благодарность произнести майору Ивану Александровичу Каргину.

4. Начальнику станичной обороны - подьесаулу Ивану Федоровичу Колесову принять необходимые меры для занятия правого берега Дона, для чего завтра, с утра, всеми наличными силами, начать продвижение через Войсковой лес.

5. Заведующему хозяйственной частью - уряднику Данилу Трофимовичу Маноцкову срочно заготовить провиант на неделю вперед и принять меры по доставке его к Дону.

П. Аврамов.

ВОРОЖИЛА ТЫ МНЕ...

Ворожила ты мне...говорила:
Поседеет твоя голова,
А проклятая вражья сила
Разрастется как в поле трава.

И узнаешь ты горечь скитаний
И тоску безвозвратных утрат,
Лучший друг, изменивши, обманет
И предаст заблудившийся брат.

И поймешь - почему без надежды
На кресте не легко умирать...
И смыкая уставшие вежды
Подлость близких своих испытать.

Лишь одни Дон-Кихоты умеют
Уходить не дождавшись зари...
Прославляй же себя Дульцином
И, её называя, - умри!

То, что начал впитом желторотым
Сохрани как Степанов завет...
Помни только, что вам дон-кихотам,
В жизни вашей признания нет.

На дороге твоей одинокой
Станет он - всё загадивший хам!
Будешь петь ты о степи широкой
Внукам...правнукам...только не нам!

П. Поляков.

ПЕРЕД БУРЕЙ.

Перекрестись рукой усталой,
Припомни, как ты жизнь прожил,
Что время мало так осталось
И, что последний час пробил.

На горизонте туча грозно,
Собой закрыла небеса,
Спешь пока еще не поздно,
Чтоб буря все не унесла.

Все то, во что ты верил твердо,
Чем была жизнь твоя полна,
Чье имя нес в изгнании гордо,
За что боролся до конца.

Нависла туча над землею,
Зловеще гром вдали гремит
И в ярких молниях порок,
Земля притихшая горит.

Перекрестись рукой усталой,
Припомни жизнь свою казак,
Что все прошедшее пропало,
Его возмет с собой мрак.

Что после бури и ненастья,
Нахлынут новые мечты,
Засветит солнце в небе ясном
И станет видно впереди.

М. Гаврилов.

КАЗАКИЯ.

Казакия, ты моя -
Матушка родная,
Далеко ты от меня
Сторона степная.

Ой повеи же, ветерок,
Со страны родимой,
Расскажи ты мне дружок,
О казачке милой.

Ой повеи же, ветерок,
Со степей ты вольных,
Расскажи людям, дружок,
О днях подносовых.

Ой повеи же, ветерок,
С красного востока,
Расскажи людям, дружок,
Как там жизнь жестока.

США.

Как наш мученик народ
Дьявол истребляет
И станицы каждый год
Кровью заливает.

Расскажи о всем вождям -
Демократам мира,
Пусть оценят по делам
Из Москвы вампира.

М. Можаев.

В ЛУННУЮ НОЧЬ.

Ароматом весенним дышащая,
Степь, как море с застывшей волной,
Степь без грани, без края, безмерная
Нежно дремлет под яркой луной...

Над поверхностью чуть возвышаясь,
С горизонтом сливаясь вдали,
Здесь и там по степи разбросались
Небольшие холмы из земли.

А холмы те зовутся курганами...
Их насыпали, будто, деды,
Хоронившие золото добытое
И своих преступлений следы.

И теперь, по преданию глубокому,
Когда степь лунным светом горит,
Над курганом, порою весенней,
"Кто-то" жалуясь, речь говорит.

Этот "кто-то", "когда-то" в безвременье
В непогоду или в темную ночь,
Страсть к наживе, разбоя и лености
Не старался в себе превозмочь.

Много жизней тогда распростилось
С необъятным простором степей...
Много женщин тогда обездоленных
Не дождалось сынов и мужей...

Господь Бог Своей Правдой великою
Прекратил грабежи и разбой,
Наказавши разбойника лютой
Справедливой, по смерти, карой...

Страшно выходить весенней лунной
ночью в глубокую степь: там на кур-
ганах собираются духи и судят убийц
душегубов. /Казачье поверье/.

Каждую весну, при лунном сиянии,
Пред курганом нестройной толпой
С диким кикотом, и стоном, и оханьем
Собирается призраков рой...

Эти призраки - все убиенные...
Страшный вид все имеют они:
Лица синие, тело распухшее,
Их одежды в грязи и в крови...

В один голос разбойника-прадеда
Они требуют властно на суд
И в речах своих злобных и мститель-
ных

Осужденье убийце несут.

Наконец среди толпы появляется,
Полный скорби, тревоги и мук,
Тот, кто семью оставил из жадности
Без отца, а хозяйство - без рук...

На вершину кургана становится...
Земно кланяясь - просит простить...
Но в ответ слышит гневные возгласы
Толпа призраков воет, свистит...

.....
Я не слышу речей тех разбойничьих
Тишина гробовая вокруг,
Только изредка заяц встревоженный
Пробежит меж курганами вдруг.

Или "курганник" гоняясь за жертвой,
Воздух мощным крылом рассекает,
Или хорь на охоту опасную
Собирается, травой шелестит...

Степь-царица, как сказка волшебная,
Убегает, теряясь, в даль...
А на сердце невольно тяжёлая
Камнем твердым ложится печаль...

А.В. Рамов.

"Донская Волна" № 19 /47/, 12 мая 1919 г.

П У Т Ь.

И буду я тоской томиться,
И будет снится Тихий Дон,
И будет сердце больно биться,
Все вспоминая, будто сон.

О! путь мой длинный, путь далекий,
Конца тебе мне не найти.
Я на чужбине одинокий,
Жду свое счастье впереди.

Горячей кровью степь полита
И заросли на ней пути,
О том, что было - позабыто,
Напоминают лишь цветы.

О! Подожди, не всё пропало,
Пока рождаются мечты,
Пусть нас осталось теперь мало,
Поможет Бог нам путь найти.

Наш путь казачий, путь старинный,
По нем все предки наши шли,
Он также был безмерно-длинный
И столько-ж крови пролили.

И на крови их молодецкой,
Такие выросли цветы,
Что никакой власти советской,
Не заглушить в степи мечты.

О! Путь мой длинный, путь далекий,
Когда увижу я свой Край,
Когда вдали в степи широкой,
Блеснет водой родной Аксай?

М. Гаврилов.

ПЕСНЯ.

Тучи, тучи без конца,
Жизнь моя смутна,
Всё, что было унеслось,
Горевать пришлось.
Пойду, пойду я искать судьбу.

Горе, горе забывать,
Нужно начинать,
Чтобы счастье разыскать,
Нужно угадать.
Терпи, терпи, счастье впереди.

Много, много в мире есть,
Разных стран и мест,
Если смело ты пойдешь,
Чтонибудь найдешь.
Зовёт, зовёт счастье нас вперед.

Долго, долго я ходил,
Не жалея сил,
Счастья не было и нет,
Неприветлив свет.
Забудь, забудь, не терзай ты грудь.

Горы, горы и леса,
Но не та краса,
Жить не трудно, но одна
Сила здесь нужна.
Не так, не так жить должен казак.

Край ты, край ты наш родной
И простор степной,
По тебе все казаки
Вянут от тоски.
Всем нам, всем нам счастье только там!

М. Гаврилов.

И. Тапилин.

ДЕД НИКИТА И СТЕПКА.
/Очерк из казачьего быта/ /Окончание/

- Да уж за этим мы не постоим... Лишь бы толк какой был, - сказал Никита и добавил: - Мальчишка-то послушный, смекалистый... Вы уже тут глядите за ним.

- Конечно, конечно, - говорил на прощанье учитель.

- А я и забыл спросить, как вас звать, господин учитель?

- Иван Федорович, - ответил учитель.

- А то дома спросят про вас, а я и не знаю. Хорошо, Иван Федорович, значит, с воскресенья надо мальчишке итти в школу?

- Да, с воскресенья, подтвердил учитель.

Итак, Степан Вершинин стал ученик угольской школы грамоты.

В назначенный день дед Никита привел Степку в школу. Во дворе школы собралось десятка два мальчиков и с десятков девочек. Некоторых из них привели родители. Степка все время держался за руку деда и робко поглядывал на играющих ребят. Один мальчишка подошел к нему, потрепал его за ухо и сказал:

- А ишо и на кулачках будим дратца!

- Вот я тебе задам! - крикнул на него Никита и мальчишка побежал прочь.

Из школы вышел учитель и объявил: - Вы родители, идите по домам, а ребята идите в школу. Теперь это мои ученики и они поступают в мое распоряжение. -

Пошел дед Никита домой и всю дорогу размышлял: - Как же это теперь выходит? Значит, Степка теперь не мой, а учителей?...

Недели через две Степка читал по букварю: А-а, у-у, а-о, ау, оа, оа-а, сум-а. На графийной доске он писал -а,у,о,с,м.

Такая грамота показалась деду Никите сомнительной. Он спрашивал внука: - А чаво же вы азы не учите? Аз, буки, веде, глаголь, - продиктовал Никита.

- Так нас учитель учить, - ответил Степка.

Дед Никита решил, что такая Степкина наука неправильная.

- Вить так и дитя могут испортить, - думал он. Вечером он позвал к себе Якова и заявил ему:

- Тут чаво-то не так. Ты послухай, чаво Степка учить. А ну, Степка, читай букварь, - приказал дед.

- Ау-у, уа-а, оа-а, сума-а, - читал Степка.

- Ну, как ты располагаешь, Яков, насчет этава?

- Я думаю, папаша, што так и нужно учить попервам. Ведь зря какого учителя не приставят к такому делу. Значит такой устав есть.

- То-то, гляди, штобы дитя не испортили этими ау.-

Деда Никиту тревожила мысль, что Степка теперь отделился от него. Его отняла у него школа. Да и букварь он часто читает родителям и сестрам, а те его хвалят и называют молодцем.

- Хорошо читаешь, Степа. Учись, сынок, - поощряли его.

А дед Никита сидел в горнице с одной грустной думой: - Степка теперь не его. В его памяти проходили воспоминания о совместной со Степкой жизни. Задумается старик, облокотится на стол, подопрет седую голову обеими руками и размышляет: - Вить яво только от грудей отняли... Ну, што же, на то воля Божия.-

Степка уже читал по букварю стишки, басенки, рассказы про птиц, зверей и прочее. Когда школу распустили на пасхальные каникулы, Степка

пришел домой очень радостный.

- Дедушка, слухай, чаво нам задали выучить наизусть, какой стишок.

- Читай, послушай.- И Степка прочел стихок:

- Дедушка. Дедушка, голубчик, сделай мне свисток!

Дедушка, найди мне беленький грибок...

- Ишь, как отчеканил! Молодец, внучек: хорошо читаешь, антиресно слушать. Дай Бог здоровья твоему учителю. Правильно он вас учит.

С тех пор дед Никита перестал сомневаться, что его внука могут испортить грамотой в школе. Он нередко просил Степку прочесть ему про дедушку, про пчелок, цветы, и так далее. После каждого Степкина чтения на его старом, морщинистом лице появлялась улыбка и какой-то восторженный взгляд.

- Молодец, Степушка! Будешь письменный казак!

В начале мая школу распустили на летние каникулы. Дед Никита отнес учителю в подарок махотку меду. Учитель сказал ему: - Ваш внук лучший ученик и он переведен во второе отделение.-

Придя домой, Никита говорил своим семейным:

- Учитель сказал: - Ваш внук лучше всех... Вот, стало быть, как вышло, - сделал какой-то вывод Никита.

Опять, как и в прошлые годы, целое лето дед Никита и Степка жили на пчельнике. Их жизнь стала теперь разнообразней и интересней. Когда подует ветер и мельницы-вертушки поднимают треск и стук и отгоняют щуров, Степка не бил в косу, а сидел около деда и читал ему стихи или басенки.

- Так, Степушка, так внучек, - хвалил его дед. - Теперь ты пойдешь в гору!

- В какую, дедушка, гору? - недоумевал Степка.

- Будешь письменный.-

Много перемен произошло в семье Вершининых. В зимний мясоед женили Алексея. На Красную Горку выдали замуж Устинью. Перестроили дом увеличили его на одну комнату, в которой поместили Алексея с женой. Аксиныя настаивала, чтобы Степка помогал ей в хозяйстве.

- А то он все с дедом сидит, - говорила она: - да ходит в школу, а в домашности ничего не помогает.-

Все эти перемены в доме наводили деда Никиту на грустную мысль: Может быть Степку совсем от него отделить и останется он один.- Степка понимал, что дедушка не хочет с ним расстаться.

- А мы, дедушка, будем с тобой вместе ягнат стеречь, гусят караулить и маме помогать.

- Да, Степушка, будем все вместе с тобой делать.

Так продолжалась и далее жизнь деда Никиты и Степки в большой дружбе и сердечной привязанности друг к другу.

Дед Никита умер, когда Степке исполнилось 10 лет. Горько плакал он при похоронах своего любимого деда.

После неоднократно спрашивал свою мать:

- А дедушка вернется домой?

- Нет сынок, - отвечала мать. - Он живет у Боженки на небе.

И. Тапилин.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ИНОСТРАНЦА.

ПЕСНЯ 1.

"...Вот я шел и шел,
Всё Рассеюшку прошел -
Лучше Дона не нашел.
Да что ж эта за столица -
Славный город Черкасск!
По улицам фонари, по углам есть
кабаки, -

В них гуляют казаки.
Миткалевые рубашки,
Чубы на сторону!
Чубы на бок закладут
Вдоль по улице пройдут.
По квартирам становятся
В них хозяйки влюбляются
Вот, примечает казак Яшка -
У хозяйки дочь - Наташка.

Примечает казак Яшка
Где ложится спать Наташка.
Наташенька на кровати,
Казак Яшка в головах.
Он раскинул свои руки
На Наташкины груди
Наташенька испугалась,
Громким голосом вскричала:

Ох, ты мать моя, Марья,
Жги лучину поскорее.
Лучинушка не горит,
Казак Яшка не спешит.

Лучинушка загорается,
Казак Яшка убирается,
Казак Яшка убирался
С Наташей он прощался.

"Ты прощай, прощай Наташа,
Коварная ты, каналья!
Когда гостинчики примала -
Родна маменька не знала,
А как гостинчиков не стало,
Родна маменька узнала..."

ПЕСНЯ 2-я.

Картинка мирной жизни. Служба кон-
чилась. Все Наташки забыты. Казак
Яшка дома, занимается хозяйством.

"Уж я жил то, молодец,
Ни беден, ни богат.
Ни кола, ни двора -
Лошаденочка одна.

Запрягу я лошаденку
Во худую повозенку
И поеду, молодец,
В поле пашеньку пахать.

Вот пашу, пашу -
Сам на солнышко гляжу.
Как все люди-то -

Все позавтракали,
А моя шельма - жена
Не варила, не пекла.
Не варила, не пекла,
Мне обедать не несла.

Запрягу я лошаденку
Во худую повозенку
И поеду, молодец,
Во ракитовый кустец.

Там я вырублю лозу
На свою шельму-жену.
Приезжаю ко двору,
Она ходит по двору,
Да набеленая, наруганная.

Будь ты проклята лоза,
Мне мила моя жена.
Уж я брошу лозу,
Поцелую жену".

ПЕСНЯ 3-я.

ДОНСКАЯ ВОЕННАЯ ПЕСНЯ.

"Мы в Чугуеве служили
Ни о чем мы не тужили,
А в Ахтырку перешли -
Все забавушки нашли.
По квартирам расставлялись
В нас хозяйки влюблялись.
Хотя хатушки курные -
Хозяйки чепурные.

ПЕСНЯ 3-я.

Хозяйки раздушечки,
А мужья их - "куркули"
Своим женам заказали,
Чтоб с донцами не гуляли.
Дочерей своих скрывали,
По чуланам запирали.
Девки плакали, рыдали,
Что донцов давно видали.

Казак с девкой говорит,
 Сам усами шевелит,
 Он кивнет, моргнет глазами-
 Ступай девочка за нами.
 Ступай девочка за нами,
 За донскими казаками.
 Да что-ж это за донцы,
 Донцы-фаты молодцы!
 Да и где-ж донцы родились,
 На какой воле росли?!
 На Дону донцы родились,
 А в Чугуев служить пришли!"

Все песни поются игривым напевом
 и записаны со слов непревзойден-
 ного песенника командира 42 бата-
 реи /1918-19 гг./ есаула М.А.Ка-
 лабухова, казака Усть-Белокалит-
 венской станицы Донского войска.

И. Плахов.

Нижеследующая песня записана
 В.М.Кузнецовым. Хотя она и не осо-
 бенно лестная для Донца, но из пес-
 ни, говорят, слов не выбрасывают.

Сказали про Польшу, что богатая,
 Оказалось Польша-голь проклятая.
 По степям-дорожкам корчески стоят
 Поляк да прусак да млад донской
 казак.

Другая вариация начала песни.

Во Польше на рыночке стояла корчма
 Корчма польская, королевская.
 Как во этой корчмушке три молодца

пьет
 Поляк да прусак да млад донской
 казак.

Поляк водку пьет-червонцы кладет,
 Прусак водку пьет-талеры кладет,
 Казак водку пьет-ничего не кладет
 Ничего не кладет, по корчме ходит,
 По корчме ходит, на стене мелит;
 На стене мелит, - шинкалочку манит:
 "Шинкалочка-девочка, поедем со мной
 Поедем со мной к нам на Тихий Дон.
 У нас на Дону не по вашему:
 Ни тнут, ни прядут-хорошо ходят,
 Ни сеют, ни жнут-хорошо едят".
 Соглашалась шинкалочка на казачьи
 слова,

Садилась шинкалочка позади седла
 /к коню на бедра/
 Вывозил он шинкалочку во дремучий
 лес,
 Привязал он шинкалочку к сухой
 сосенке,
 И зажег он ту сосенку снизу до
 верху.
 Сосенка горит, шинкалка кричит:
 "Ой вы, друженьки-подруженьки, не
 верьте донцам".

На предложение Редакции Казакам
 записывать казачьи народные пес-
 ни отозвался А.Г.Федосов, прис-
 лав песню о Ермаке.

Ой, как на речке было на Камышинке
 Ой, чуть пониже дн было города Са-
 ратова

Ой, там жили да были люди вольные
 Ой, там жили да были казаки воен-
 ные.

Ой, да во Круг они собирались
 Ой, да в Кругу они думу думали.
 Ой, да ну кто бы из нас атаман
 будет

Ой, да казак Ермак, Тимофеев сын.

Песня эта, конечно, не новая;
 в ней есть небольшие изменения,
 но главное дело в том, что её
 пели до 1914 г., значит, память
 о Ермаке еще хранилась, да ве-
 роятно и теперь хранится, хотя,
 как пишет А.Г.Федосов, молодежь
 её уже не пела, а старики, от
 которых он её и выучил.

КАЗАЧЬЯ ПЕЧАТЬ.

За последние четыре месяца в казачьих журналах появилось немало статей, заслуживающих несравненно большего внимания, чем это может уделить им КИС.

Это большое появление статей во всяком случае свидетельствует об оживлении казачьей мысли, притом мысли критической и стремящейся поставить на должное место деятельность наших "видных вождей". Такую оценку надо только приветствовать, тогда разлетятся всякие "мифы", незаслуженно создающиеся вокруг этих лиц, совсем их не заслуживших, их недостойных по характеру их деятельности.

КАЗАЧЬЕ ЕДИНСТВО -/№№ 34-37/. В № 34 помещена большая статья Н.Долгова: "Вместо открытого письма б. Предс. Донского Пр-ва - Н.М.Мельникову."

Н. Долгов пишет, что прочитав статью в "Род.Кр." /№25/ "она привлекла мое внимание и произвела на меня двойственной впечатление: во-первых, она вызвала у меня полное недоумение. Как человек, так близко стоявший в то время /1919-1920 гг./ и к событиям того периода и к самому А.П.Богаевскому, мог так не знать все то, что имело место в те дни? Неужели во главе казачьих органов власти в те дни, стояли такие лица, что прошедшая на их глазах и при их участии новейшая казачья история прошла мимо них ими незамеченной и ничему их не научила?"

Далше Н. Долгов приводит письмо Дон.Ат. П.Н. Краснова к ген. Деникину: "Я не хотел этого места, не жадал власти, я ее ненавижу..."

Но тут мы должны сказать, что П.Н. Краснов противоречит сам себе: власти он жадал.

Когда собрался Круг Спасения Дона, то все думали, что Войско - вым Атаманом будет П.Х.Попов, как приведший Степной Поход. Но вот на Круге Спасения Дона неожиданно откуда-то появился П.Н.Краснов, закатил горячую речь и... его выбрали. Надо сказать, что на этом Круге председательствовал В.Н. Светозаров - не Казак, а сын дьячка Тамбовской губ., он был преподавателем Урюпинского реального училища.

Далее Н. Долгов, разделяя общее заблуждение, пишет: "после соответствующего "внушения" Кругу, - кого следует "избрать" в Атаманы, и ген. А.П. Богаевский был "избран".

Мы уже писали в КИС, что Круг П.Н.Краснову недоверия не выражал и что никто никакого "внушения" Кругу не делал, а выбрал он ген. А.П. Богаевского по своему усмотрению, т.к. других подходящих кандидатов Круг не видел. И если Круг ошибся, то ошибаются все. Круг отлично понимал, что в такое тяжелое время, Войско без главы не могло оставаться. Донские генералы, которые могли-бы с достоинством занять этот высокий пост, были коммунистами уничтожены. Ген. А.П.Богаевский по своей предней службе мог-бы быть хорошим посредником между Казаками и Великорусами.

Была у ген. А.П. Богаевского одна крупная и очень серьезная ошибка, но о ней мы скажем в другой раз.

В №№35-36 помещено тоже открытое письмо А.Протополова ген.И.А. Полякову по поводу изданной им, Поляковым книги: "Краснов-Власов", но оно было уже напечатано в "Род.Кр."

В № 37 помещено еще одно открытое письмо П. Данилова, на этот раз уже не к Казаку, а "Г-ну Калитану Печорину".

Письмо темпераментное. Оно живо и настойчиво спрашивает г-на капитана Печорина известны-ли ему... и далее П. Данилов перечисляет все выдающиеся услуги Казаков Московии, а потом России.

Хотя это письмо и "открытое", не тем не менее его следовало-бы послать г-ну капитану Печорину. Сделала-ли это Редакция "К.Е."?

Должны мы также отметить и статью "Донца", где он с грустью говорит о нашей эмигрантской неспособности объединиться, организовать-ся, чтобы представлять единое лицо; о нашем двуатаманстве, о денационализации наших детей; о нашей неосведомленности о том, что делается "там" в Казачьих Землях, каково настроение у тамошних Казаков.

Во всех этих номерах продолжаются статьи И.Е.Тапилина, этого казачьего бытописателя, с большой любовью вспоминающего прошлую, уже невозвратную казачью-жизнь.

"КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ-КОЗАЧЕ ЖИТТЯ"- В № 86 надо отметить статью Виктора Карпушкина "О письме Г-на Г.П.Чеботарева". Эта статья отличается корректностью своих выражений и тона; все свои возражения он доказывает а не голословно лишь утверждает и в ней чувствуется некоторая сдержанность темперамента, что производит хорошее впечатление. Надо заметить, что статья эта приведена и на английском языке.

Помещено два стих. М.П. Можая. Казачья эмиграция должна обратить внимание на этого сравнительно недавно начавшего опубликовывать свои стихотворения и он несомненно наряду с П.С.Поляковым, М.И.Гавриловым, Ч.Н.Туроверовым, Н.Н.Евсеевым явится украшением казачьей литературы.

Есть в этом номере заметка "От читателя КИС", где он касается вопроса о произношении, Казакия" или "КазакИя", но не "КАзакия" и тем более не "КАзак", как это дважды извращает автор заметки. Но об этом мы скажем в другом месте.

"РОДИМЫЙ КРАЙ" /№27/. Продолжается печатание статей "К 40-летию Мамонтовского рейда", Е.Ковалева, но итоги и значение рейда уже суммированы автором /с.9/.

Интересная статья проф. М.А.Миллера - "Некоторые вопросы истории Дона и Казаков". Он совершенно правильно разделяет историю "Дона", и историю "Казаков".

"Если не изучать этой /"Дона"/ истории, а начинать прямо с Казаков, то создается странное и неверное впечатление, как будто-бы до сформирования Донского казачьего войска на Дону было какое-то дикое поле, пустое пространство, и Дон не имел предварительной и долгой истории".

М.А.Миллер пишет еще: "Все исторические явления и эпизоды оставили по себе настолько многочисленные археологические памятники, что ими буквально насыщена вся Донская земля. Это земляная летопись нашего Родимого Края. Если начать исследовать многослойные остатки какого нибудь древнего поселения на Дону, которое иногда насчитывает 4.000 лет своего существования, то создается впечатление, как будто-бы исследователь переворачивает листы земляной летописи и читает историю края, уходя все дальше и дальше вглубь веков".

Эти археологические данные для "истории Дона" чрезвычайно важны, потому что эта земляная летопись часто и является единственным источником познания, но для "истории Казаков", истории сравнительно недавней, существуют и другие "летописи", которым мы посвятим особую статью в одном из следующих номеров.

Напечатано открытое письмо А. Протопопова ген. И.А. Полякову /помещенное и в "К.Е." № 35-36/. А Протопопов шаг за шагом рассматривает утверждения ген. И.А. Полякова о своей "выдающейся" деятельности и тут же он беспощадно разбивает все эти утверждения, так что от этой "деятельности" Г.-м. И.А. Полякова мало что осталось.

Своевременно помещен "Обзор казачьей литературы за рубежом" Н. Закотнова. Такой обзор очень необходим; он показывает, что казачья духовная жизнь не только не замерла, а наоборот, она, начиная развиваться, ударом санктпетербургского обуха "история: В.Д.Сухорукским, четыре стиха/ была основательно приглушена и теперь уже здесь, за границей, вновь начинает оживать и притом более интенсивно, чем у Великоросов, Украинцев и Белоросов.

"КАЗАК" /парижский/. В № 54 помещена интересная статья, впрочем, как и все им написанное, "Освобожденный Дон" 1942-1943 гг." А.Ленивova. /Мы здесь в шутку скажем, что его фамилию "Ленивов" когданибудь переименуют в "Трудолюбова"/. Он описывает первый период организации Казаков после освобождения от коммунистов. Чрезвычайно важное решение произведено было самими Казаками "иногороднего" вопроса.

"Было принято и проводилось в жизнь решение", пишет А.Ленивов, "что все коренные иногородние, поселившиеся в пределах Казачьих Земель до 1920 г., зачислялись в казачьи части и уравнивались во всех правах с Казаками. Однако, это положение распространялось исключительно на коренных иногородних, проживавших постоянным образом на территории Казачьих Земель, не коммунистов и не принимавших участия в вооруженной борьбе против Казаков во время войны 1917-1920 годов, как и в последующее время советского владычества".

Единственно правильное решение. Но к невыразимому сожалению в такой тяжкий и ответственный момент "честолюбцы, апотому неизбежно и интриганишки, вообразившие себя "пупом земли", портили дело, за которое рядовые офицеры и Казаки складывали свои головы.

Мы должны здесь сказать о стиле А.Ленивova; он ясен, точен, ничего нет лишнего, но все необходимое для полноты описания есть.

Приводятся в "Казакe" обычные выдержки из С.Г.Сватикова, продолжается "Сорок лет тому назад", приблизившиеся к итогам деятельности "Главного командования" - к ужасам "Новороссийской катастрофы", когда "Главное" погрузив свои чемоданы, спокойно ушло.

Мы не можем не отметить, "Извещения от округа КНОД в Англии", подписанное всеми членами правления, а "Извещение" это любопытно.

КНОД вел переговоры с митр. Поликарпом УАПЦ /украинской Автокефальной Православной Церкви/ о Казачьей Автокефальной Церкви и в Англии "пригласили своим священником о.Захария Полякова /как оказалось потом не казака/. Затем, о.З.Полякова они хотели переменить и обратились с просьбой к митр. Никанору /УАПЦ/, но "просьбы, обращенные к митр. Никанору, остались не услышанными, точно сама администрация УАПЦеркви была заинтересована в том, чтобы своей разлагательской деятельностью З.Поляков подрывал наше Казачье Национально-Освободительное Движение", поэтому они "решили формально отойти из юрисдикции УАПЦ, возглавляемой митр. Никанором и открыто предупредить об этом всех наших братьев Казаков".

В заключение в "Извещении" говорится: "в других странах, где Казаки не входят формально в юрисдикцию Украинской Церкви, отношения между Казаками и священнослужителями Украинской Церкви в большинстве

случаев весьма хорошие, которые создают взаимную приязнь и служат на пользу и делу украинскому, и делу казачьему".

Отсюда мораль: "Пригребай к своему берегу".

"КУБАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК".

Вышло три номера КИС, издаваемого В.Г. Науменко; журнал посвящен изучению истории Кубани и помещает литературные произведения Кубанских поэтов и писателей. О нем, а также и о "Сборнике материалов о выдачах Казаков в 1945 году" /18 выпусков/, мы скажем в следующем номере КИС.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ.

РАЗНОЕ.

Господин, Пан, Станичник.

На заметку, помещенную в КИС / №8 "Господин, Пан, Станичник" и предлагавшей другим Казакам высказаться по поводу того, каким словом Казаки должны обращаться друг к другу или другие к ним, отозвался В. Сердюк в "Каз.Жизни"-Коз.Життя" /№83/ статьей под тем же названием.

Статья эта стоит того, чтобы остановить на ней внимание, правда, остановить внимание не столько по существу вопроса, сколько по манере подхода к нему В. Сердюка.

В своем ответе В.Сердюк не проявил ни стоицизма, ни беспристрастности в цитировании слов автора заметки. Есть в ней и "подковырки". Он играет словами "грубый в движениях", "не серьезно", "поверхностно" и особенно "заскорузлых рук".

В последних строчках своей статьи он пишет: "В заключение считаем своим долгом заметить автору заметки, что при серьезных вопросах всегда надо к ним серьезно подходить, а если нет серьезности подхода, то лучше эти вопросы не затрагивать, т.к. всегда такая несерьезность будет серьезными казаками вскрыта, а всё это идет только на мельницу наших врагов всех мастей. И вообще можно автору этих заметок еще много и много возразить, но считаем, что и это полностью автора убедит в его полной несостоятельности по затронутым вопросам".

Увы, станичник Сердюк, автора "коротенькой заметочки" это никак не убедило, и он даже думает - не пригодились ли бы эти советы ему самому, станичнику Сердюку? Из слов заметки ясно видно, что он явно и категорически отвергает слова "господин", "милостивый государь" и "пан" для обращения Казаков друг к другу, т.к. в этих словах заключается понятие рабовладельчества, и дальше он переходит к оценке пригодности или непригодности для этого обращения Казаков между собой слов "станичник" и "старшина", прося и других высказаться по поводу этих слов.

Но для В.Сердюка это категорическое отмежевание автора заметки показалось "не серьезным", и он на это не обратил никакого внимания.

Но особенно он напирал на слово "заскорузлый", употребленным автором заметки при схематической обрисовки портрета "станичника" - "с заскорузлыми от трудов руками", но, приводя это слово В.Сердюк почему-то всякий раз опускает слово "от трудов".

Ввиду своего наигрывания, стремящегося поставить автора заметки как выражающего "презрение к своему народу", которого, кстати сказать, сам В.Сердюк приравнивает к "мужику", автор заметки считает необходимым остановиться на слове "заскорузлый".

Слово "заскорузлий" применяется не к одним только рукам, а, напр. к листьям, к коркам хлеба, к мозгам, но т.к. здесь вопрос идет о руках, то мы должны определить, что значит "заскорузлые руки"?

Это руки, у которых от тяжелых работ кожа становится грубой, покрывается морщинами, становится мозолистой, пальцы делаются не гибкими. Все мы, эмигранты, ставшие на тяжелые физические работы, приобрели заскорузлость рук. Но у тех лиц, которые впоследствии могли получить более легкую работу, заскорузлость исчезала, руки "отходили" мозоли пропадали, кожа становилась мягкой, пальцы приобрели свою прежнюю эластичность, гибкость.

Казак "станичник", народ исключительно земледельческий, работы этого рода трудные, требующие большого напряжения рук: пахота, косьба, метание в стога, молотьба, вследствие чего кожа на их руках морщится, грубеет, покрывается мозолями, пальцы теряют свою гибкость, и руки становятся "заскорузлыми".

Выражение "заскорузлых рук" станичник В. Сердюк цитирует с некоторым нарушением: автор заметки сказал: "с заскорузлыми от трудов руками"; слова "от трудов" В. Сердюк повсюду опускает. Зачем? А чтобы потом порисоваться самому.

"И нам, Казакам-демократам, как раз надо уважать и преклоняться благоговейно перед "казацкими заскорузлыми /а где же "от трудов" руками", а не чуждаться их и презрительно о них говорить".

Такое обидное кривотолкование В. Сердюком слова "заскорузлыми" с опусканием "от трудов", показывающих почтенность происхождения этой "заскорузлости", естественно ставит вопрос - откуда он извлек, что автор заметки "чуждается и презрительно говорит о них"? Спрашивается почему В. Сердюк приписал автору заметки такое "презрительное" его отношение к собственному народу - "мужику"? Эти слова об "отчуждении" и "презрительности" автор заметки оставляет на совести станичника В. Сердюка. Эти же трудные и тяжелые работы придают и всему телу станичника некоторую тяжеловатость в движениях, грубоватость их, но не "грубость", как старается представить В. Сердюк, а этот оттенок "Грубость" и "грубоватость" имеет значение.

Перейдем к существу самой статьи В. Сердюка, из которой видим, что автор ее не касается только существа вопроса, а настоит на него много совершенно неотносящегося к делу, и тем лишь запутал вопрос.

Автор заметки сказал просто, что великорусские обращения "господин" и "милостивый государь" неприемлемо для Казаков, потому что с этими словами связывается понятие о р а б о в л а д е т е л е и для целей, поставленных заметкой, этого вполне достаточно, но В. Сердюк считает, что это несерьезно и поверхностно и в своей статье начинает "углублять" и "серьезничать". В чем же заключается это углубление?

"Все вкладываемые понятия в слово "станичник" журналом "КИС" как "простовато одетый человек, без светских манер, грубость в движениях, заскорузлость рук" и т.д. объясняется только и исключительно налетом московности, разрывом в жизни между выславливающим /высказывающим?/ такие мнения и понятия и своим Казацким Народом, пояснимым жизнью большинства Казацкой интеллигенции поза/?/ Казацкой, главным образом Московии, где навевали московины всем и вся, что Казаки-дики, малокультурны, грубы, заскорузлы и вообще, если хотите, даже - хамы". И это в то время, когда не хотели /Великорусы/ видеть у себя, по истине, полного хамства, подлости, морального упадка, безбожия, начиная со своих императоров..." И тут же ни к селу, ни к городу В. Сердюк говорит о

Екатерине II, что она была "проститутка" /здесь должно пояснить автору, очевидно не совсем разбирающемуся в употребляемой им терминологии, что под "проституткой" в русском языке разумеем женщину продающую за плату свое тело ради...улучшения своей жизни, так что к Екатерине II этот оскорбительный термин совершенно неприменим/, что Петр I был сыноубийца, что Иван IV то-же сыноубийца.

Но все равно - какое отношение и "проститутка" Екатерине II, и сыноубийца Петр I и то-же сыноубийца Иван IV, живший 400 лет тому назад! какое отношение они имеют к тому, каким словом нынешние Казаки должны в своих обращениях или в обращениях к ним других лиц, называть друг друга?

Разделавшись со словом "господин" В. Сердюк принимается за слово "пан" и это без всякой надобности, потому что автор "замечки" уже ясно и категорично отклонил эти обращения, начинает свой экскурс в далекое прошлое и заканчивает словами: "Так что и этот рабовладельческий титул обращения "пан" Казакам-вольнлюбивому народу совсем не придатен и противен по своей сущности".

/Да позволено будет заметить почтеннейшему автору, что в журн. "Каз. Ж.-Козаче Життя", где он сам пишет, а также и в "Казак" /парижском/ что отвратительное слово "пан" принято среди кубанских Казаков, когда они пишут или говорят по украински. Авт.зам./

И опять таки, к чему это всем давным давно известное и переизвестное перечисление отрицательных качеств "господина" и "пана". Другое дело если-бы автор заметки предлагал Казакам взять за обращение между собой слово "господин" или "пан", тогда понятно было-бы всё изливаемое на эти слова В. Сердюком, но ведь автор заметки, повторяем еще раз, сразу-же и категорически отклонил эти слова, след. В. Сердюку следовало-бы прямо и начинать с оценки слов "станичник", "старшина" или какого либо другого слова, подходящего для обращения Казаков между собой, а не растекаться белкой по дереву.

В оправдание обращения словом "станичник" В. Сердюк приводит следующее соображение. "Обращение "Станичник" с давен-давна вошло, вросло и сжилось в казачьем лексиконе, и его уже не можно вытравить из казачьего обращения никакими подходами, - будь они искренне добрыми, или "искренне злыми". Никто не собирается "вытравлять" слова "станичник"!

На Дону употребляли слово "станичник", но это только тогда, когда один Казак говорит про другого: "Да этой мой станичник", т.е. оба они одной и той-же станицы, но никак не в смысле обращения, как слово "господин" или "пан".

На Дону в обращениях друг к другу Казаки употребляли или просто одно имя, если Казак был молодой; если же Казак был постарше, то к нему обращались по отчеству - Петрович, Гаврилич; если же Казак пожилой, или чем-то выдвинулся из рядовых Казаков, или получил образование, то его уже называли по имени отчеству - Иван Петрович, Семен Гаврильч; в письмах-же было обращение - Уважаемый, Мног. уважаемый, а затем имя - отчество, но никогда не обращались, если не писали, словом "станичник", как это только теперь вошло в моду.

И.И. Безуглов по поводу обращения Казаков друг к другу пишет: "Этот вопрос по моему, разрешила сама жизнь, т.к. вот уже 38 лет мы всегда обращались друг к другу со словом "станичник". Как только мы приехали в 1928 году в Чехию и поступили в высшие школы, мы сразу-же начали организовываться по войскам и станицам, а через год создали

Общеказачью станицу студенческую. Другого обращения, как станичник, я не помню".

Впрочем между автором "коротенькой заметочки" и В.Сердюком м.б. существует и недоразумение, основанное на различных употреблениях слова "станичник" на Дону и на Кубани.

"Станичник" это есть название жителя станицы, как "горожанин" есть название жителя города. Станичники в подавляющем большинстве - земледельцы; гдеж- возьмете хороших портных, чтобы они могли сшить хорошо сидящий костюм, как они бываюи на господах и панах, хотя "станичник" и дает для костюма хороший материал. Поэтому-то он и "просто-вато" одет.

Дальше, где станичнику набраться "светских манер" и "изящных движений", когда вся жизнь его проходит в тяжелом физическом труде? В.Сердюк пишет: "Для Казака всегда была "станция" своим родным, дорогим, святым"... "станция" для каждого Казачьего Казака, а не обмосковленного - святая Святых, и вот тут-то Казаки и приняли в обращение слово "станичник".

Мы позволим себе напомнить В. Сердюку его-же слово в его же статье: "В полках было два обращения до первой мировой войны: "Станичник" и "Станица". Первый означал Казака обученного, чистого, хорошо одетого в лучшую свою одежду, будь то рядовой Казак или офицер, на нем было все пригнано /В.Сердюк говорит о форме, мы же разумеем обыкновенную одежду/... "Станицей" же звали молодых, еще неотесанных казаков".

Какая же это станица "Святая Святых", когда её, "Святое-Святых" сравнивают с "неотесанным" казаком? Что-же это Казак бревно что-ли, что его надо тесать?

В.Сердюк дает "точное" пояснение тому, что значит "старшина". "Старшина - это стародавний казачий привеллигированный чин". Под москвитинским влиянием, от которого В. Сердюк, видимо еще не отрешился, он считает, что "старшина" был "чин", но ведь ни сотник. Ни сотник, ни есаул, ни старшина, ни полковник первоначально не были "чинами", а были они должностями: сотник - мы теперь сказали-бы, это сотенный командир, полковник - командир полка; старшина была первоначально то-же должность, а не чин: "А старшина в Азове войсковой атаман Осип Петров". Пугачеву надо было идти к старшине, который был уже в "чине" полковника: "старшина полковник такой-то был очень строгий". Как видите, "старшины" были в разных "чинах". Это Москва переделала наши должности в "чины"; она даже Войскового Атамана тоже обратила в "чин", как и украинского гетмана /П.С.З.т.XVI, №12.277/.

В обращениях друг к другу у всех народов принято слово, которым обозначается высшее сословие в государстве: господин, пан, герр, сэр, монсье /испорченное монсеньор/; у Казаков сословий не было, но выработался класс старшин, как класс не наследственный, но в государстве все таки класс передовой; вот по этим-то причинам автор "коротенькой заметочки" и предложил этот термин для обсуждения, но "серьезные казаки", как это пишет В. Сердюк, вскрыют, что всё это /что "это?"/ идет только на мельницу наших врагов всех "мастей".

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ.

Мы берем формы правления в государстве уже сложившемся, а не в период его формирования, который продолжается много лет.

Теперь еще немного о Казакии, чтобы этот обмен мнениями прекратить, хотя Редакция и писала /МЮ стр.6/, что она придерживается того взгляда что всякий вопрос, относительно которого существуют разные мнения, должен быть рассмотрен до конца, независимо от того, чья возьмет. Это мелочное самолюбие должно быть отброшено чтобы "истина взяла".

Мы оставляем без внимания заметку /От читателя КИС/ /К.Ж. №86, с.26/, автор кот. уже по слогу чувствуется, что он не вчитался толком, не разобрался в том, что критикует, а потому и заблудился в трёх соснах "Читатель" даже употребляет слова "КАзакия", "КАзак", ставя ударение на первом слоге, чего у автора нет; "Читатель КИС" взял их очевидно с потолка.

Вопрос с названием Каза^иИи или Каза^икии в полной мере зависит от того на какой манер произносить это название - на гречес. или на латинский. Если произносить название государства как Каза^иИя, то народ его будет носить название, как Казакийцев. О Каза^иИи, о Зих^иИи мы знаем только одно имя этих государств, но как назывался сам народ, того мы не ведаем.

Если бы мы знали только одни названия государств, как Слова^иИя, Чех^иИя, Каза^иИя, не зная названия самих народов, то, несомненно, народ этих государств мы называли-бы как Словакийцы, Чехийцы. Т. напр., Татищев называет-Казахийцев, Зихийцев /т. I, 182/, но т.к. мы знаем название самих народов-Словак, Чех, Казак, отсюда по имени народа, и назв. государств-Слова^иИя, Чех^иИя, Каза^иИя. Кроме того, произношение "Каза^иИя" естественно вызывает представление о существовании Казаков на Кавказе, тогда как этот вопрос еще спорный. /см. "Дон и Москва" кн. III, с. 15 и сл. / произношение-же "Каза^иИя" предлагается впервые и оно, как непривычное, кажется неправильным; однако, для обозначения названия государства, население, кот. составляют Казаки, произношение "Каза^иИя" вполне соответствует фонетическим законам русского языка, на котором мы говорим.

Если одно слово имеет два разных смысла или два значения, то чтобы отличить их меняют ударение, напр., старшина и старшИна, кружится /волчек/, кружИтся /голова/, нет нужды-нет нУжды, свиньИми /животное/ и свИньями /леди, по образу действий своих, как свиньи, воры и вОры и т.п.

И здесь "Каза^иКи поднялись" /а не "Каза^иИи поднялись"/ служит указанием на то, что в глазах Сибиряка "Каза^иКи" есть народ и этот Народ /"поднялся"/, т.е. восстал.

Из небольшого вопроса сумели сделать целую "литературу", что свидетельствует о неумении подходить просто и ясно к трактуемой, обсуждаемой теме, и в заключение этой заметки можно сказать одно, что от всей статьи В. Сердюка пахнет чем-то другим, а не представляется простым обменом мнений.

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ.

Мы берем формы правления в государстве уже сложившемся, а не в период его формирования, который продолжается много лет.

Обычная форма правления в сложившемся государстве это-МОНАРХИЯ, т.е. государство, управляемое одним лицом и власть эта переходит к сыну, внуку, дочери или в боковые линии."Государство - это я"-сказал Людовик XIV.

Монарх, будучи никем и ничем неограниченным в своей власти, часто становится просто тираном, деспотом, и правление его становится уже ТИРАНИЕЙ, ДЕСПОТИЕЙ.

Таким образом монархическое правление вырождается в тираническое, деспотическое.

Затем, возле тирана образуется группа видных и крупных аристократов, свергает его или берет власть в свои руки, внося первоначально некоторые улучшения; такое правление группы аристократов называется АРИСТОКРАТИЧЕСКИМ. Но и сама аристократия современем тоже начинает злоупотреблять своей властью, когда власть сосредотачивается в руках только небольшой группы аристократов, и тогда она вырождается в ОЛИГАРХИЮ.

Но, на смену олигархии появляются представители народа в широком смысле слова, и образ правления становится ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ, и оно первоначально так-же вносит некоторые улучшения в управление, но потом вследствие невежественных демагогов, получивших доступ к власти, власть в свою очередь разлагается и становится ОХЛОКРАТИЕЙ, т.е. властью "улицы", худшей частью населения, и тогда государство становится на край гибели, если только не появляется ДИКТАТУРА, т.е. неограниченная власть какого нибудь одного человека, чтобы начать снова круговорот форм, правления, т.к. власть диктора в свою очередь может обратиться в произвол.

Мы даем здесь только схематическую эволюцию /развитие/ власти, в жизни-же все это происходит куда как сложнее.

БИБЛИОГРАФИЯ.

В немецком журнале "Европейский Восток" /№ 64/, напечатана статья П.С. Полякова. "Трагедия Казаков".

Он в статье чертах рисует картину с самого начала Казачества, проходя через самые выпуклые места истории казачьей, оттеняя его борьбу за свою независимость, окончив статью Линцкой трагедией.

Это уже его вторая статья в иностранной прессе, и дай Бог, чтобы было побольше таких осведомлений иностранцев о Казаках.

Тут невольно вспоминается статья полк. Самсонова /Уральца/, где он описывает, как сын его в школе по американскому учебнику истории учил о Казаках.

"Когда случалось крестьянское восстание, Казаков посылали восстанавливать порядок, и когда этим диким варварам давали право на свободную расправу в деревне, - ужасы которые они творили, выше всякого описания. Расстрелы, порка, сожжение домов, были обыкновенными явлениями, не принимали во внимание ни пола, ни возраста". /"История Европы", написанная ист.Сальвин Скапио/.

По моему мнению, наши казачьи Атаманы, имя которых "бецисла" и занимавшимся взаимным истреблением, не мешало-бы собраться, хотя-бы только по одному этому вопросу, "во единый круг" и вынести протест и даже потребовать уничтожения этого явно клеветнического места:ведь на этом учебнике воспитывается молодое поколение, будущие граждане САСШ. И теперь, когда САСШ, признана "Казакия", то граждане, воспитанные на этом учебнике, могут вспомнить про "этих диких варваров"и мо-

гут проявить соответствующее отношение и к самой Казакии.

В 1959 г. в СССР была издана книга В.Сафонова "ДОРОГА НА ПРОСТОР". Из этого названия трудно предположить, что она посвящена исключительно походу Ермака в Сибирь и завоеваниям его им. Мы не касаемся литературных достоинств этой книги, но нас интересует другое - подход автора этой книги к личности Ермака - кто он был, цель его похода, кто были Казаки?

Ермак представлен им скорее молчаливым, больше выслушивавших других, тогда как он был "речист".

"Ермак мельком глянул на него и строго продолжал:- Ильин слышал! ...калужские, московские, рязанские, камские, устюжские...Нас-то сколько? Полтысячи! Своей, думаешь, силой сильны? Вон чьей силой! И Дон не сам - той силой стоит". /Из предыдущего разговора видно, что "сила" московская/.

Но вот взгляд самого автора В.Сафонова на происхождение самого Ермака, вопрос, так недавно взволновавший казачью общественность статьями Байкалова.

"Начало жизни его неизвестно; конец тонет в тумане легенд...Даже самое имя- Ермак. Что такое Ермак? В святцах нет такого.

"Высказывали предположение, что это Ермил, Ермолай, Еремей или даже Герман. Но не Ермил, не Ермолай, не Еремей, и не Герман, а именно странное, нехристианское Ермак стояло в...поминальном "Синодике".

"Ермак на волжском жаргоне - ручной жернов или артельный тачан /котел/. Так и пришлось в церквях несколько веков петь "вечную память" языческому Ермаку-ватажному котлу или ручному жернову".

Далее он пишет, что в одну из сибирских летописей, Черепановскую, да и то в самую позднюю из них было внесено, что "по настоящему звали Ермака Василием Тимофеевичем Алениным. Краеведы-уральцы даже уверены в этом: Аленин был пермский человек, но прямых доказательств этому нет". Далее автор говорит, что на Урале "выводят его из работных людей строгиновских вотчин. Трудно в самом деле иначе объяснить необычный, беспримерный с точки зрения обычаев волжской вольницы и уж вовсе невероятный для коренного донца путь на Каму, избранный Ермаком, когда донеслась весть о движении рати Ивана Мурашкина."

"Вряд-ли он был "вековечный" казаком; скорее мы должны искать его в числе тех, кто попал на вольную реку, потому что "Доном от всех бед освобождаются", а бед этих - сам в досталь хлебнул".

Таким образом, мы видим нового сторонника Байкалова, но к чести В.Сафонова, надо отдать ему в этом справедливость, к разрешению вопроса он подошел объективно, без Байкаловского гаерства.

Даже в определении казачьих "разбоев" В.Сафонов подводит так сказать, философскую основу: "нельзя ставить никакого знака равенства между эпическим "разбоем" древней Руси и простым уголовничеством. То было явление особой и сложной социальной природы и функции: в нем был общественный протест. /подчеркнуто нами/.

Как видим, история о Ермаке далеко еще не закончена, но можно твердо и определенно сказать, что он был "вековечный" казак, ибо на северо-востоке Руси, в частности по Сев.Двине и её притокам было много "вековечных" Казаков, пришедших из Азии с монгольской примесью; Ермак ведь был "плоск лицом", но "прикудрявен", другая кровь, но ни то, ни другое - не "русское".

"И во многих местах", пишет В.Сафонов, - "на Урале, в Сибири и даже Казахстане-из поколения в поколение передаются рассказы о Ермаке, и люди с гордостью говорят, что они того казачьего корня". /Подчеркнуто В.Сафоновым/.

В книге этой интересна только последняя глава - "О Ермаке и его походе. Послесловие".

Любопытно отметить, что перед каждой главой в книге помещен какой-нибудь рисунок, - был он помещен и перед последней главой, но, как видно, перед самым печатанием уже набранной главы, его сняли, на что указывает пустующее перед главой место, равное рисунку.

Вероятно был помещен портрет Ермака, не совсем подходящий к ратным московским людям того времени.

В 1960 г. вышла в СССР книга С.И.Семенова под названием "СТЕПЬ КОВЫЛЬНАЯ". Главная тема этой книги - насильственное переселение Донских Казаков на Кубань.

Мы приведем слова самого С.И.Семенова из его "Послесловия":

"Удивительная вещь: мощное противоправительственное, с окраской острой социальной борьбы, движение на Дону, охватившее шестьдесят восемь станиц, не освещено совсем в нашей исторической литературе... А между тем имеется сборник интереснейших исторических документов /Е.Фелицина/ показывающих сильный размах этого движения, продолжавшегося свыше двух лет, весьма тревожившие царские власти и саму Екатерину II. Царьца издала даже особый "рескрипт" по этому поводу, а затем на донских Казаков обрушились свирепые кары: даже по официальным сведениям, было репрессировано /казни, вырывание ноздрей, ссылка на каторгу, нещадное битье плетью/ около пяти тысяч Казаков, т.е. весьма значительная часть взрослого мужского населения, находившегося тогда на Дону".

Эти слова С.И.Семенова свидетельствуют о том, что в СССР мало знают о вышедшей исторической литературе за границей, напр., о труде С.Г.Сватикова "Россия и Дон", где об этом "движении" сказано довольно обстоятельно.

С.И.Семенов родился в Новочеркасске. Отец его преподавал историю в Новочеркасской гимназии, сам-же он окончил историко-филологический факультет университета. В их семье часто бывал известный писатель казак А.Серафимович. В настоящее время С.И.Семенов работает над историческим романом "Генерал Севера" - об Иване Васильевиче Турчанинове, донском Казаке: он воевал в армии Линкольна /война Севера и Юга Америки/.

Об этом И.В.Турчанинове написал и издал здесь за границей, небольшую брошюрку казак Аникишин; правда, написана она неопытной рукой, но все-таки она принесла некоторую пользу: многие Казаки впервые узнали о том, что в армии "Севера" принимал участие донской Казак.

Нам случайно пришлось прочитать во французском журнале "Право и Свобода" /№191 ст. 3/ ст. Жюль Исаака, автора книги: "Антисемитизм, имеет ли он христианские корни?" В предисловии к этой книге он пишет: "Потому что более пятнадцати лет я занимаюсь, чтобы изучить и вырвать христианские корни антисемитизма..." и далее: "я говорю... что в христианстве христианские корни антисемитизма глубоки".

Мы, как христиане, должны защищаться от подобных наветов, и если нам удастся ознакомиться с этой книгой, мы дадим о ней отзыв, а пока что скажем, что антисемитизм существовал еще за четыреста лет до рождения самого Христа. /Библия, Есфирь/.

Библиофил.

Письмо в Редакцию.

Многоуважаемый Иван Платонович.

Пишу Вам по поводу родословной А.М. Каледина. - Роясь недавно в архиве Донской Артиллерии, я нашел список по выпускам из Донского кад.корпуса в Донскую Артиллерию, составленный в 1936 г. полков. Югановым, который сам окончил корпус в 1894 г. /5-й выпуск/. На год старше его, т.е. из 4-го выпуска Донск. корпуса в 1893 г. были выпущены в Донскую Артиллерию из Михайловского Арт. Училища: Лукьянов и Семерников, а из Николаевского кав.училища: Нефедов, Мухин, Князев, Золотарев и К А Л Е Д И Н Мелетий /брат Алексея Максимовича/, как указано им самим в ковычках. Короче говоря Каледин Мелетий был выпущен хорунжим в Донскую Артиллерию в 1895 г.

Всех этих артиллеристов я знал лично, один из них был моим командиром батареи в Германскую войну, но о Каледине Мелетии я никогда не слышал. Роясь дальше, я нашел другой листок полк. Юганова с теми же фамилиями, над которыми стояли пометки покойного теперь секретаря Союза Дон. Артиллеристов В.Ст. Нефедова, при чем над фамилией Каледин помечено: у м е р, очевидно в молодом возрасте.

Помещенная в № II КИС фраза: "По другим сведениям, /Н.Н.Каледина/, у А.М. был младший брат Евграф, но умер, будучи юнкером, хотя и с ошибками, это подтверждает.

Е. Ковалев.

ПРОВОКАТОРЫ ЛИ БУНИН и САМАРИН? - А кто "Иванушка - дурачек"?

В "К.Е." № 33 на 4-й стр. Редактор каз. журнала "Кубанец" полк. В.В.Черешнев поместил обращение к лидерам рос. организаций по вопросу: "Казачи и Россия" и затем статью: "Харакири или место под солнцем". Для Казачества.

На посланную в редак.газ. "Русская Жизнь" в Сан-Франциско-председатель корпорации газеты и Предс. Общеказ. Союза в Сан-Франциско инж. Анатолий Кривошеев-донской казак-отказал напечатать обращение и ст. Черешнева, назвав "затем ПОСТЫДНОЙ для казака историей" и "провокацией" с целью вызвать "бесплодную, как мыльный пузырь, дискуссию" и т.д. Заканчивая письмо об отказе, г-н председатель говорит: "мои прадеды и деды своей кровью создавали Великую Русь от моря и до моря. Создавали для МЕНЯ для своего потомства, а потомство, как Иванушка-дурачек кричит: не хочу, не надо и т.д."

Газета "РЖ" явно монархическая, хотя и называется официально "беспартийно-демократическая".

На этих же днях привелось читать нижеследующие строки написанные русскими людьми и никак не "самостийниками", а посмотрим, что они говорят и что подтверждают, являя в некотором роде и ответ гг.монархистам по поводу будущего России.

1. "Тут царский период русской истории КОНЧИЛСЯ при доброй помощи солдат ПЕТЕРБУРГСКОГО гарнизона - НЕ ЖЕЛАВШИХ идти на фронт..." так писал академик, нобелевский лауреат и на все 100% русский человек Иван Алексеевич БУНИН. Неужели КАЗАКАМ МОНАРХИСТАМ это ничего не говорит???

2/ "Старое правописание принадлежит ИСТОРИИ и выступления в печати в ЗАЩИТУ ЕГО представляется абсолютно НЕ ЖИЗНЕННЫМ, а дискуссия по этому вопросу подобна дискуссии О ПРОШЛОГОДНЕМ СНЕГЕ или о ВЫЕДЕННОМ ЯЙЦЕ. Занятия эти вполне беспцельны и продолжать их нет никакого смысла"-так писал /см.НРС от 25 марта 60/ В.САМАРИН-тоже 100% рус.человек.

3/ Все монархисты забывают о той квалификации, которую дал им последний Император России в своем дневнике. Это характеристика в 3-х словах. "ВСЕГДУ ИЗМЕНА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО" - было начертано его собственной рукой. Разве этого еще мало монархистам???

4/ Еще одно из доказательств нелогичности мышления монархистского движения - 45 лет назад воевали 3 империи - Османская, Австро-Венгерская и Германская против одной Российской. Все три рассыпались на несколько малых государств и все 3 главы их умерли "не в своих постелях". Четвертый - побежденный еще хуже: монархисты не сумели предупредить его трагической кончины хотя все это было возможно при действительном патриотизме и жертвенности. Не оказалось людей действительно преданных и умных, а не шкурников с "заячьими" мозгами.

Теперь все они оказываются теми "героями", которые после драки кулаками машут. Спрашивается - какие из сегодня существующих на территории бывшей Империи 33 "республики" пойдут за монархистами из эмиграции ??? Мы знаем "цемент" Хрущевых построивших тюрьму народов - это террор. При помощи его думают и русские строить ??? На призыв эмигрантского "межакова" разве что отзовутся Поляков, Ткачев с Кисилем из Кривошеев. О Караганде и пр. "райских" местах они знают лишь из газет, но потомки создавших "от моря и до моря" вкусили этого горького не из газет, а на своей коже. Их теперь калачом не заманишь эмигрантским "войсковым".

ЭЙАЙЕС.

Помещенный на стр. 25 № 10 КИС абзац от слов "среди мадьяр до слов /на стр. 26/... в мадьярскую речь" не принадлежит А.Скрылову, а Редакции; абзац должен быть помещен после второй подписи "А.Скрылов".

А.Скрылов вносит такие поправки в произношении славянских слов, вошедших в мадьярский язык: борозда-берАзда, борона-бОрона, коса-кАса, лопата-лапАт, мак и розь - так же, как и в русском языке. Но дни недели немного иначе: среда /среда/ -сЕрдя, четверг-чЕтёрТок, пятница-пЕнтек, суббота-сОмбат. Шапка-ичапка, ведро-вЕдер. Кстати, Редакция просит исправить в №11 стр.8, стр. 19 снизу вместо "международное" надо "между граничное".

Получены пожертвования с 1 апр. по 30 июня 1960 г. от П.М.Аврамова - 3750 фр., Ф.И.Быкова - 5 долл., Можаев - 2 долл. А.Г.Федосов - 1 анг.ф. Оплатили за III: М.И.Гаврилов - 600 фр., И.Н.Платов - 500 ф. Редакция приносит всем им свою признательность.

За статьи, помещенные в Сборнике за подписью автора, Редакция не отвечает. При запросах на ответ - прилагать марку или международный купон. Готовится к печати № 12 КИС.

Статьи, корреспонденции и деньги адресовать: Mr. Boudanoff J.
288, rue de Vaugirard - Paris XV. - France.

Цена Сборника: во Франции - 250 фр., в других странах - 1 ам.доллар.

Технический редактор И. Буданов.